№ 68 — 69 Март — Апрель 1936 года Цена 15 сентов

Рос 4-4 / 1-105

Р 4-4
Рос 1-105

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
им. В. И. ЛЕНИНА
64-200

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№ 68—69 МАРТ—АПРЕЛЬ 1936 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: Наши задачи и тактика. — А. ГОРЕЛИК. Две годовщины. — МИНСКИЙ МУЖИК. Будущая Россия. — М. Аполлон Андреевич Карелин. — Л. ЛИПОТКИН. Большевизм и мораль. — Ф. ЭРТЕР. Государство и централизация. — САША ПЕТР. «Восстание». — Б. ГЕРШЕНФЕЛЬД. Борьба за существование. — Е. К. НОБУШИМА. Спешное сообщение. А. А. Боровой. Стихи.

Наши задачи и тактика

В Европе и в Америке можно ожидать войн, потрясений, взрывов и революций. В надвигающихся событиях анархистам придется взять на себя очень ответственную роль раскрепощения труда от капитализма и переустройства общества на свободных началах, без всякой принудительной власти.

Чтобы избавить себя от ошибок и заблуждений в будущем, нам надо оглянуться на прошлое, и выяснить причины неудач анархистов во время русской революции. Почему начавшаяся с таким успехом революция провалилась и вылилась в уродливую форму, приведшую к государственному капитализму в России? Одним сваливанием вины за случившееся на большевиков нельзя ограничиться. Большевики поступили, при данных обстоятельствах так, как это подсказывала им их марксистская тактика. Они с самого же своего появления на арену борьбы стремились только к захвату государственной машины и власти, добивались и хотели только этого.

В известные, решительные моменты, чтобы привлечь к себе на помощь крайние, левые элементы, они бросали в массу анархо - синдикалистские лозунги вроде: вся земля — народу; фабрики и заводы — рабочим и т. п. Этим подкупали, до известной степени, находившихся под революционным угаром анархистов, забывших в пылу революционной борьбы о принципиальных, коренных разногласиях с государственниками - марксистами. И большевики и анархисты все свои силы отдавали революции. Гармония совместной борьбы начала нарушаться с того момента, как общими усилиями большевиков и анархистов удалось отстоять революцию от контр - революции.

Большевики, как сторонники государственной организации, об'явили себя единственными законными наследниками отвоеванного от бюрократии и буржуазии го-

сударства. Русские анархисты не поняли надвигающейся опасности для революции в лице новой большевицкой власти, и не оказали ей серьезного сопротивления в момент захвата ею государственной машины. Многие несомненно видели в ней нечто исключительное, и всякая попытка к сопротивлению с их стороны парализовалась гипнозом «рабоче - крестьянской» власти.

Другие анархисты, более трезво смотревшие на вещи, видевшие в большевицкой власти угрозу революции и свободе, хотя и спохватились еще в такой момент, когда борьба с большевиками могла бы быть успешной, столкнулись лицом к лицу с царившей в рядах анархистов неорганизованностью. Анархическое движение в России в период революции представляло ряд многочисленных, маленьких и больших групп, разрозненных, не связанных одна с другой, идейно разношерстных, и в большинстве случаев в общей организации или федерации видевших стеснение и ограничение своей свободы действия и инициативы.

В решительный момент поэтому трудно было бы ожидать, чтобы они могли сговориться, уяснить себе нарождающуюся опасность, выработать известную тактику и план и затем об'единенными, совместными силами дать генеральное сражение государственникам - большевикам. Значительно позже, когда утвердившаяся большевицкая власть обнаружила свою подлинную природу, начав ликвидировать то там, то здесь анархические группы, русские анархисты спохватываются, учитывают сделанные ошибки и делают попытки к об'единению. Созываются анархические с'езды. В некоторых случаях, не без внутренней борьбы и усилий, удается об'единить известные течения анархистов в федерацию. В других случаях, увидевшая в анархистах своих смертельных врагов, большевицкая власть охотится за ними по пятам, не допускает, или разгоняет их с'езды, расстреливая и заточая их участников в тюрьмы.

Момент упущен, большевицкая власть сильно укрепляется и борьба с ней теперь принимает более трудный и затяжной характер. Все живое и уцелевшее от разгрома уходит в подполье, и начинает свою трудную и кропотливую работу подтачивания корня большевицкой власти.

В происшедшей схватке с большевиками, анархистов победили потому главным образом, что они действовали разрозненно и необ'единенно, распадались на несколько разных враждовавших между собою течений; в то время, как большевики, не отличавшиеся большей численностью, чем анархисты, были тесно спаяны в одну организацию, имеющую один план и преследующую одни цели. Большевики всегда били в одно место, анархисты — в разные, отчего терялась сила удара.

Дальше, анархические группы, действовавшие в большинстве случаев в одиночку, на свой страх и риск, не сговорившись между собою и не выдвинув плана, который резко отграничивал бы их от всех мнимых революционеров - государственников, и всегда, и при всяких обстоятельствах, выдвигал бы на первый план их собственную позицию, становились попутчиками других псевдо - революционных партий, работали для них, и часто бессознательно и невольно способствовали упрочению этих партий в явный ущерб своим анархическим идеям.

О согласованном выступлении всех революционных или даже анархических течений можно лишь мечтать, или желать, но это практически вряд-ли осуществимо. До русской революции предполагалось возможным создание единого революционного фронта для борьбы с общим врагом. Такой фронт существовал до известной степени в период революции, значение его для успеха того или иного революционного выступления очень важно, но в конечном итоге от всего этого в выигрыше остается более сильное течение, пожалуй, более настойчивое в проведении своих идей и целей. Ведь в свержении Керенского не малую роль сыграли анархисты, выступавшие совместно с большевиками. А каковы от всего этого результаты для анархистов? В смысле осуществления своих задач или

приближения к своему идеалу они ничего не добились, и помогая большевикам, растеряли свои силы на борьбу, плодами которой воспользовались наши заклятые враги-государственники.

Анархическое движение ничего не выиграет, если оно будет тратить свои силы на всякую борьбу. Наша борьба должна вестись исключительно в направлении разрушения современного капиталистического строя и создания вместо него — вольного общества из свободных коммун. Всякая иная борьба, не имеющая целью достижения этого, не может интересовать нас. И об'единяться мы можем только с группами или организациями, ставящими себе од нородные задачи и цели.

Сколько бы мы ни говорили о желательности об'единенного, революционного фронта, но как это показывает опыт прошлого, из всего этого мало толку уже потому, что не все революционные течения одинаково сильны, а потому нет никаких гарантий, что заключаемые политические договоры или соглашения между ними не будут затем нарушены. Мы можем возмущаться вероломством большевиков, нарушивших заключенный ими договор с Махно, но это нисколько не изменяет существа дела: коммунистическая партия нарушила договор потому, что она была сильнее другой стороны. Так оно будет всегда, пока мы имеем разделения в революционном движении.

Безначальцам поэтому надо направить усилия не на подыскание себе попутчиков или союзников, а на то, чтобы выступить против всех других партий и течений, борющихся не за идеал безвластного общества, подготовить широкие массы для восприятия наших идей, увлечь их за собой своими лозунгами и толкнуть на решитель ную борьбу за проведение их в жизнь, а не идти за другими партиями, как бы ни были соблазнительны их обещания, которые обыкновенно забываются, как только одержавшая победу партия захватывает государственную власть.

Культурно-просветительная работа

Культурно - просветительную работу мы понимаем не в узком школьном смысле, а в более широкой плоскости. Об'ектом нашего воздействия являются рабочие. Мы, сознательные рабочие, только в том случае можем расчитывать на успех происходящей борьбы между угнетенными и угнетателями, если сможем постоянно пополнять теряющиеся в процессе борьбы силы нашего авангарда притоком новых борцов, которые с свежим запасом сил и энергии станут в передовые ряды борющегося пролетариата.

Наша культурно - просветительная миссия поэтому сводится к тому, чтобы пробудить рабочего от вековечной спячки и обывательского равнодушия, заставить его думать, показать ему всю несправедливость его социального положения, — убедить его в ненормальности и абсурдности буржуазного строя и необходимости замены его свободным обществом.

Дальше мы должны указать на роль и значение организации в борьбе за освобождение, на необходимость активной работы организованно, в сотрудничестве с однородными элементами, на важность участия в организационной работе, где в совместной работе и общении с другими товарищами, вырабатываются привычки, навыки и опыт, необходимые для строительства будущего свободного общества.

Полемика и критика

Являясь наследниками целых революционных поколений, мы должны уделить место изучению истории освободительного движения, как в России, так и в других странах.

Мы не должны увлекаться полемикой, особенно если она носит личный, бранчивый характер и, по нашему мнению, появление такого материала в журнале недопустимо. С другой стороны, мы должны приветствовать всякую критику, если она касается какого нибудь принципиального вопроса и помогает его уяснению и пониманию.

На наш взгляд особенно желательна критика парламентаризма, централизма, религии и государственного социализма.

Безвластные советы

Упрекающие нас за критику большевизма часто ставят нам в упрек то, что, выступая против большевицкого режима, мы не даем взамен его ничего определенного, конкретного, чем можно было бы с успехом заменить существующий строй. Мы обыкновенно говорим, что мы — за безвластные советы на местах. Мы и теперь будем стоять на той же самой платформе.

Нам скажут, что и большевики за советы и социалисты - революционеры и мало ли кто еще выдвигает такой же самый лозунг, что, следовательно, между всеми нами нет никакой разницы, или она трудно уловима. Мы должны поэтому сказать, что имеется коренное различие между выдвигаемыми нами советами и советами социалистов - государственников, вытекающее из самой природы этих по существу различных вещей.

Социалисты - государственники (большевики) представляют себе советы в виде законодательных учреждений, постановления которых, принятые незначительным меньшинством — членами совета, — имеют обязательную силу закона и навязываются большинству насильно безотносительно к тому, соглашается ли оно с ним или нет.

Мы представляем себе наши безвластные советы в виде учреждений, носящих не законодательный, а совещательный характер, в виде не правительственных, а административных учреждений, не принудительных, а исполнительных органов, решения и распоряжения которых могут быть приняты или отвергнуты на общем собрании коммуны.

Посылаемые в советы делегаты — не представители или члены, которые могут решать и проводить какие им вздумаются законы, а простые послацы, — уполномоченные, которым даются коммунами поручения переговорить по известным вопросам и вернуться домой, как только работа закончится, и представить достигнутое соглашение или решение на одобрение общего собрания коммуны. Только в зависимости от решения последней будет ставиться его обязательность для коммуны или необязательность.

Баррикада

Стоголовое пестрое чудо...
Я всю жизнь воспевать тебя буду,
Я всю жизнь воспевать тебе буду,
Баррикада—твердыня моя!
Хаотична в бесформенном теле,
Неприступна в сверканьи штыков,
Ты вчера только искрою тлела,
Ты сегодня— плавильня умов.
Сколько раз в дыму баррикад
Драгоценную кровь проливал!
Сколько раз, печалью об‘ят,
Я Земную любовь призывал!
За любовь Земную любить,
За любовь земную страдать;
За нее я готов убить
И отца, и родную мать.
Тело знамени—черный шелк,
Как веком, на главе баррикад.
— «Человек человеку волк»...
«Человек человеку брат»...
Так велел-приказал Капитал...
—Так учил-возвещал Христос...
Революцией мир пожелал
Разрешить мировой вопрос!
Возлежу на груди баррикад
И лобзаю знамени шелк.
«Мне рабочий—возлюбленный брат...
—«Властелин — лютый ворог и волк».
Да, любовь зарождается здесь,
Но вражда торжествует вокруг.
Баррикада мистический круг!
Стоголосое шумное чудо —
Славословь же, мятежная песнь,
Символ творческих сил бытия,
Я всю жизнь воспевать тебя буду,
Баррикада—святыня моя!

Анатоль Консе.

ДВЕ ГОДОВЩИНЫ

18 марта — день дорогой для всех рабочих, для всех революционеров мира: парижская Коммуна, героическая попытка парижских рабочих добиться социального и политического освобождения. Отчего из всех прошлых революций она особенно дорога нам и отчего, сколько бы ни проходило лет, ни радостный день победы 18-го марта, ни траурные дни «кровавой недели» конца мая не забываются. Парижская Коммуна дорога своею новою идеею и своим моральным обликом. Коммуна порвала со старою традициею: вместо того, чтобы захватить власть и диктовать всей стране, она заявила, что Париж — центр Франции — отказывается от своего господства, что об'являет себя независимою коммуною и приглашает всю страну последовать его примеру. Место централизованной страны, об'единенной под властью одного правительства, должна занять федерация автономных коммун. Опыт прошлых революций показал французским рабочим, что ни революционная диктатура, ни централизованная парламентская республика не способны провести в жизнь социальной справедливости и экономического равенства. Для нового социального содержания нужно найти и новую политическую форму. Этою формою и явились свободные коммуны (внутри которых рабочие союзы заведуют производством) и федерация этих коммун во всей стране. Слишком коротка была жизнь Коммуны, чтобы эта новая идея могла осуществиться на практике, но с того времени она вошла в сознание рабочих всего мира.

Моральный облик Коммуны был на высоте ее идеи. Коммуна не ввела у себя террора, не преследовала оставшихся в городе буржуа. Выборы в Совет Коммуны были вполне свообдны. Расстрел заложников в момент, когда версальские войска уже входили в Париж, был делом отдельных обезумевших от отчаяния революционеров; он не совершился по распоряжению Совета, члены которого находили его «варварским и недостойным тех начал справедливости, которые должны были бы руководить Коммуною». А рабочих - коммунаров было расстреляно в Париже версальскими войсками 35,000 человек! Идейные руководители Коммуны не стремились возвыситься над рабочей массою. Члены Совета жили жизнью рабочих и не получали жалованья выше средней заработной платы. Никто из них не пользовался своим положением для личного благополучия, а когда пришел конец, они погибли в первых рядах...

Со днями марта связана для нас еще другая годовщина, гораздо близкая по времени: кронштадтское восстание 1921 года. На расстоянии 50-ти лет, в совершенно различной национальной и исторической среде, оно однако близко родственно парижской Коммуне 1871 года. И перед Кронштадтом, и перед Коммуною стояла задача осуществить на деле, а не на словах только устройство нового, равного и свободного общества. И Кронштадт, как и Коммуна, избрал для этого не путь диктатуры и декретов сверху, а путь народного творчества снизу.

Кронштадт — не Париж; он не мог привлечь к себе внимание всего мира, да и держался он всего две недели, посреди не успевшей отозваться на его призыв громадной страны. Но, как и Коммуна, он провозгласил новую идею в революции, и, как и коммунары, были на высоте идеи его защитники. Война — международная и гражданская — была закончена, пора было приступить к строительству новой жизни. А между тем, в стране задушены все возможности такого строительства: рабочие и крестьяне задавлены и их Советы сведены на нуль неограниченною диктатурою правящей партии. В конце февраля 1921 года жестоко подавленные забастовки в Петрограде переполнили чашу терпения тех, кто во все годы революции стоял на страже ее завоеваний: матросов и рабочих Кронштадта.

Для них стало ясно, что социалистического бщества не создать ни Учредитель-

ному Собранию, ни правительству партийной диктатуры, что для этого нужна новая форма общественной жизни.

Русская революция выдвинула (еще в 1905 году зародившийся) лозунг Советов, избранных повсюду на местах, во всех городах и во всех деревнях, всем трудящимся населением — Советов свободных и об'единяющихся между собою в Федерацию.

Большевистская партия подхватила этот народный лозунг, но когда Советы создавались, власть этой партии отняла у них свободу и лишила их всякого значения.

Кронштадт решил возродить эти народные Советы. «Настоящий переворот», писали кронштадтские «Известия» — орган восставших, «дает трудящимся возможность иметь, наконец свои свободные Советы, работающие без всякого насильственного партийного давления, пересоздать казенные профессиональные союзы в вольные об'единения рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции». А руководящая резолюция, принятая единогласно общим собранием граждан Кронштадта, требовала немедленно произвести перевыборы советов тайным голосованием и при полной свободе предварительной предвыборной агитации. Она требовала, корме того, свободы слова и печати для всех революционеров, свободы собраний и рабочих профессиональных союзов и крестьянских об'единений, освобождения всех заключенных социалистов и всех рабочих, крестьян и солдат, сидящих в тюрьмах в связи с крестьянскими и рабочими движениями.

Они потребовали права для крестьян распоряжаться своею землею и своим трудом, при условии не эксплоатировать труда наемного.

Как и Коммуна, Кронштадт был гуманен и чист. «Трудящимся не нужна кровь. Они прольют ее только в момент самозащиты», писали кронштадтцы, а потом с гордостью заявили:

«У нас ни один коммунист не был расстрелян». Но гуманен бывает только восстающий народ и никогда — усмиряющая власть.

За право рабочихх и крестьян свободно строить свою жизнь в социалистической стране погибло 14.444 конштадтских моряков и солдат. Кронштадтские революционеры отвергли, даже голодая, всякую помощь со стороны не только буржуазии, но даже правых социалистов. Они не хотели никаких компромиссов, хотя бы даже ради победы. Но оторванные от остальной России, они должны были погибнуть...

А. ГОРЕЛИК.

Новая песня

Звякни золотом червоным
Песня новая труда,
Огласи волшебным звоном
Страны, села, города.
В шахты, фабрики, заводы,
В избы темные крестьян
Духом творческим свообды
Братски-радостно нагрянь.
Всколыхни людские души,
Чувства добрые взволнуй,
Преврати моря и суши
В вешний братский поцелуй.
Белым голубем над жизнью
Тихорейно пролети,
Все народы и мир—отчизну,
В мир собратьев преврати.
Пусть воспрянет дух великий
Человеческой любви!
Да сберут в одно языки
Все сокровища свои!
Близок час... Об'единенный
Трудовой народ воспрянь!
Пусть сверкнут твои знамена...
Звякни песни злато-брань.

А. АННИН.

БУДУЩАЯ РОССИЯ

Советская Россия в настоящее время разбита на множество национальных республик, образованных Москвой в период гражданской войны для того, чтобы получить доверие у народов, находящихся под гнетом царизма. Центр. сов. республик— Москва «столица всех столиц». Советская Москва, как и царская Москва, является авторитетом и хозяином всех советских республик. Общегосударственное законодательство, денежная система, армия и флот, почта, телеграф, радио, железные дороги и образование полностью находятся в руках правящей Москвы. Даже промышленность, сельское хозяйство, печать, торговля и народный быт далеко не самостоятельны в этих дутых и фиктивных советских республиках.

Автономность советских республик выражается в языке и здравоохранении. Но и здесь Москва косвенно влияет, указывает и ограничивает фонды, не давая автономным республикам развернуть свою самостоятельную работу. Самодержавие советской Москвы давит и угнетает независимые советские республики не меньше, чем царская Москва давила и угнетала те окраины, которые отпали от России. И против советской Москвы, как против царской Москвы, угнетенные народности продолжают вести борьбу за свою полную независимость. В будущем может получиться так, что окрепшие советские республики уйдут из-под власти угнетающего центра Москвы. Эти национальности, естественно, захотят быть вполне и во всем независимыми от Москвы. Без Москвы на месте лучше знают, как устроиться и управлять своими делами, а не быть всегда на поводу у далекой Москвы, не знающих народных нужд и чаяний.

Тяжелым налоговым бременем и руководством Москвы недовольны все народности, населяющие СССР. Неслыханный гнет, давление и вытекающие из них голод и обнищалось, создаваемые Москвой, остро ощущают все народности и с большим трудом переносят те, которым Москва обещала много, но дать ничего не дала, а все забрала и самоуправно продолжает брать под предлогом, что все это делается для общественных нужд, для улучшения положения в стране, для торжества и победы социализма. Борьба за полное освобождение трудящихся идет уже несколько веков. В «единственной стране социализма», Сов. России она тем более усиливается, там центр тяжести сильнее бьет и давит все национальные и народные стремления к независимости и свободе. Может случиться так, что советские республики, отойдя от Москвы, в интересах своего развития, образуют Свободную Федерацию Советских Республик, о которой мечтали М. Бакунин, П. Кропоткин и левые народники.

В настоящее время Москва пугает все народности, населяющие Сов. Россию тем, что, мол, нужно теснее быть об'единенными с Москвой, иначе внешний враг придет и раздавит всех, отнимет то, что было завоевано революцией. Но это — политический конек, на котором Москва думает ехать дальше и продолжать свою политику угнетения и подчинения себе. Нет никакого основания думать, что какая-нибудь другая страна рискнет напасть на Сов. Россию, чтобы откромсать от нее такие огромные и богатые части, как Украина или Восточная Сибирь. Такие страны рискуют падением своих теперешних правительств. Русский народ не отдаст своей земли и фабрик, дорого стоющих ему, иностранным капиталистам и купцам, торгующим честью и совестью. Он даст отпор всем иностранным вторжениям. Русский народ не только не боится войны, но он жаждет и ждет ее со дня на день. И не потому, что он одичал и хочет крови, нет — он хорошо знает, что во время войны — только благодаря ей — свергались коронополосцы, падали жесточайшие тираны, падет и советская «диктатура», не дающая трудящимся России свободно жить, развиваться и дышать. Москва — это знает и

старается избежать войны какой-бы то ни было ценой.

Возможен и совершенно иной исход— более легкий, безкровный и безболезненный. Это — когда Москва сознает, учтет горький опыт прошлого, предоставит русскому крестьянину распоряжаться своей землей, а рабочему — управлять фабриками и заводами так, как они найдут лучшим в интересах города и деревни. Правящая большевицкая головка уже теперь говорит о реформах. Большевики даже частично делают это, дав, например, крестьянам возможность распоряжаться оставшимся от внесенного государству налога хлебом, а рабочим — покупать его по мере надобности и возможности. К тому же, Москва на последнем 7-ом Всесоюзном С'езде заговорила о тайном голосовании и уравнении в правах крестьян с городскими рабочими. Москва получит подедржку от своего трудового народа и вместе с тем, трудящихся всего мира, если пойдет навстречу трудящимся России.

Но ожидать этого от большевиков вряд ли можно. Марксисты - большевики скорее всего сломят себе шею и будут выплеснуты народной волной, как и все правители, но не дадут народу того, что обещали и что он по праву должен иметь. Каковой же должна быть будущая Россиия?

Когда говорят о необходимости свержения большевиков в России, то обычно на смену им выдвигают две фрмы государственного управления: монархическую и демократическую. Государственники дальше этого не идут: они — или монархисты, или буржуазные демократы, или — нечто промежуточное — либералы. Известная часть населения тоже смотрит на вещи с подобной же точки зрения. И это вполне понятно: человеку, мало задумывающемуся над социальным вопросом, кажется, что, кроме монархизма, демократии и большевизма, ничего другого нет на свете, что эти три формы правления должны чередоваться между собою: если падет одна, то на ее место должна появиться другая.

Почему большевицкий строй в России не годится? Потому, что он построен на государственном рабстве, насилии, гнете и не признает свободы и равенства. А монархизм? Монархизм отжил свое время, устарел, одряхлел и ему место в историческом музее, а не в жизни XX-го века. Демократизм? Демократия, построенная на частном производстве и добровольном рабстве, создала мировую депрессию, переживаемую нами, сконцентрировала все богатства той или другой страны в руках небольшой кучки капиталистов, с одной стороны, и породила огромную безработицу, народную нужду и нищету, с другой.

Сменять большевицкую систему на монархическую или буржуазно - демократическую — равносильно тому, что прыгнуть из огня да в полымя. Это — невыгодно и неразумно. И прогрессивно настроенные массы не пожелают этого делать. Они будут добиваться такого общественного строя, при котором никто не будет править людьми ни рублем, ни дубьем.

Человечество на протяжении долгих веков борется за полное политическое и экономическое раскрепощение людей, за такой порядок жизни, при котором народ получит максимум свободы и право распоряжаться своим собственным трудом. И монархизм, и демократизм, и большевизм не признают политического и экономического равенства. Не признают свободной и довольной жизни для всех, живущих под солнцем. Демократия, конечно, лучше монархии. Мы жили в России при монархии, живем теперь в Америке при демократии и знаем, что значит та или другая форма правления. Во многих странах существует демократическая форма правления. Мы сами живем в такой стране. И что-же мы видим?... Видим-ли мы довольную и благоустроенную жизнь всего населения? Нет, мы этого не видим. Наоборот, на каждом шагу бросается нам в глаза иная картина. Мы видим миллионы бедных людей решительно выбитых безработицей из колеи жизни. У этих людей нет никакой твердой почвы под ногами и нет ничего отрадного впереди. Будущее их темно, настоящее — безпочвенно. С дру-

гой стороны, мы видим огромные богатства, принадлежащие небольшому количеству лиц. Там, в стане богатых — довольство жизни бьет через край. Там люди пируют и веселятся за счет тех, которые недоедают и живут в чрезвычайно плохих условиях.

Можно-ли такой строй, где одни живут за счет других — назвать идеальным, соответствующим времени и прогрессу? Нет. Следовательно, и такой строй непригоден для замены большевицкого режима. Нужен какой-то другой строй, который вмещал-бы в себя и в широком понятии свободу и в глубоком смысле — равенство. Где, в самом деле, искать эти новые, эти неизвестные формы жизни? Пробовала-ли какая нибудь страна в мире, или народ, провести эти подлинно гуманные формы в жизнь? Почему они не были проведены? Думают-ли — русский народ, рабочие и крестьяне и передовая интеллигенция,—провести эти формы в жизнь? Свободны-ли они это сделать теперь? Чему учит нас история вообще и история революции — в частности? Что наметила русская революция в первые годы и почему не были осуществлены те лучшие, возвышенные человеческие идеалы, к которым стремятся лучшие люди всего мира?

Совершенно нет надобности странствовать в поднебесьи, или ударяться в фантазию, ища ответа на поставленные вопросы. Ответ — притом весьма исчерпывающий—на все эти вопросы дает сама русская революция. О русской революции написаны горы книг. Все политические деятели, облагодетельствованные или обиженные этой революцией, не упустили случая, чтобы рассказать нам о событиях 1917-го года. Каждый политический деятель, конечно, описывает революцию с своей точки зрения, но поразительно, что во всех этих описаниях отсутствуют указания на стремления и чаяния широких слоев населения.

Чего население ждало от революции, чего оно требовало, к чему стремилось в момент революционного взрыва, — об этом не говорится в книгах политических деятелей. А между тем, это — смысл и сущность революции, и этого никому ни на минуту не следует упускать из виду. Революция — не праздный парад. Она начинается передовой частью рабочих, сознавших свои рабочие интересы, и направляется против тиранов и эксплоататоров, увлекая своими освободительными лозунгами тех рабочих, которые несознательно, рабски преклоняются перед своими господами. Интересы всего трудящегося народа в революции весьма просты: улучшение жизненных условий. Ни рабочие, ни крестьяне никогда не увлекались теми или иными политическими доктринами, они в этих доктринах весьма слабо разбирались, но они прекрасно понимали, что им нужно и как можно улучшитть свою жизнь. Рабочий понимал, что если доход от предприятия будет идти не в карманы отдельного хозяина, а всем тем, которые заняты в производстве, то от этого его положение, а вместе с тем и положение всех рабочих, станет гораздо лучше. Отсюда — фабрики рабочим.

Крестьянин знал, что если земля будет принадлежать не отдельным помещикам, а всем крестьянам, то нуждам, бедствиям деревенского населения наступит конец. Отсюда — земля крестьянам, и всем, кто желает трудиться на ней. Вот истинный смысл народной революции.

Русская революция в первоначальной своей стадии пошла по линии материального благоустройства широких слоев населения. Большевики воспользовались гражданской войной и направили ее по ложному пути, — по пути интересов партии, а не интересов трудящихся, — и как только они падут, революция вступит на свою прежнюю дорогу и завершит то, что она не успела завершить в 1917 году. После падения царского самодержавия, крестьяне и рабочие почувствовали, что они больше не скованы цепями, и по всей необ'ятной стране начали зарождаться ячейки: в городах — фабрично - заводские комитеты, в деревнях — сельские советы. Эти ячейки, задушенные впоследствии больше-

ьиками, и есть основа будущей России.

Население, прежде всего, организуется по роду занятий: рабочие создадут производственные союзы, а крестьяне — сельско-хозяйственные коллективы. Но так как в жизни играет роль не только производство, но и распределение, кооперация, товарообмен и т. д., то само собой понятно, что население не остановится на производственных об'единениях, а создаст свободные артели, коллективы, кооперацию, коммуны и т. д. В районные коммуны будут входить разные об'единения: производственные, распределительные, научно-образовательные, спортивные, художественные, общественных служб и т. д. Районные коммуны сольются в стройную, без центрального давления, федерацию; районные федерации создадут областные федерации, губернские и т. д.

Никаким политиканам, никаким эксплоататорам тут места не может быть. Все должны будут трудиться, устраивать лучшую личную и общественную жизнь так, как кому захочется при условии, чтобы, без гнета и обмана других, без наемного труда и рабского подчинения одних другим.

В свободном обществе, где труд и распределение таваров будут находиться в руках самих трудящихся, государство отпадет, как ненужная вещь. Вместе с государством отмирают и все органы насилия. Свобода слова, печати, собраний и организации будут предоставлены каждому гражданину, и каждый будет чувствовать себя свободно — на работе, дома, на собраниях и т. д. Все граждане будут пользоваться одинаковыми правами и каждый человек будет сознавать, что его счастье заключается в счастьи всех, таких же свободных, как и он, людей.

18-летний опыт жизни в Сов. России без царя, помещиков и капиталистов научил трудящихся России многому и она прекрасно знает недостатки советского государства, а потому учтут все прошлое и сами трудящиеся постараются делать меньше ошибок, а самое главное — не доверять больше своей судьбы разным политическим проходимцам и шарлатанам, строющим свое благополучие на несчастьи других. Сделать это в России можно очень легко. Там нет частных капиталистов, нет фабрикантов и торговцев, нет помещиков, князей и графов, нет классов, богатых и бедных, — в Советской России теперь все бедняки и нищие. Привилегированная группа партии большевиков, в чьих руках находятся бразды правления страной, не составляет и двух процентов всего населения, она ничтожна по своему количеству и ее, эту новую советскую аристократию, легко можно будет устранить, подчинить той свободной общественной жизни, которая заменит большевицкую тиранию и рабство государственного капитализма, построенного на лицемерии, лжи, обмане, угнетении и эксплотации трудящихся.

Огромная армия русской молодежи, воспитанная большевиками за 18 лет в таком духе, что будущее должно принадлежать молодежи и труду, только и ждет удобного момента, чтобы свергнуть верхушку советской аристократии и провести в стране лозунги народовластия, свободы и равенства. При большевиках Россия технически заметно строится и обновляется. Правда, строительство это происходит каторжным трудом и стоит русскому народу много миллионов жизней. Народы России это видят и знают. Они также знают, что Петр Великий, в начале 18-го столетия, перестраивавший Россию по образцу западных стран, ушел из этого мира, но все то, что было построено им «на человеческих костях», осталось для страны и новые поколения им пользуются.

Резюмируя сказанное выше, можно с уверенностью сказать, что будущее Советской России в федерации свободных советских республик России. Будущая свободная Россия немыслима без следующих реформ:

1. Установления общественного производства и справедливого распределения предметов потребления.

2. Равных прав для всего населения, т. е. права избирать на местах своих завод-

ских и сельских представителей путем тайного и явного голосования.

3. Права организации политических партий и религиозных сект.

4. Свободы слова, печати, собраний и организации для всех, кто стремится жить индивидуально, коллективно, или коммунально без наемного труда и насилия над другими.

5. Фабрики и заводы передаются под контроль и в управление тех, кто в них работает (рабочих, инженеров, техников, всех трудящихся). То же самое делается с железными дорогами, водными путями, почтой, телеграфом, телефоном и другими общественными службами.

6. Земля принадлежит всем, кто на ней желает трудиться. Покупка и продажа ее не допускается. Распределением заведуют земельные комитеты.

7. Раскрепощение крестьян от налогов, колхозников и совхозников от советского батрачества. Допускается индивидуальная, коллективная и коммунальная обработка земли.

8. Устанавливается товарообмен между городом и деревней на справедливых товарищеских началах.

9. Самоуправление страной организуется по принципу снизу вверх, а не сверху вниз, как это делается у большевиков.

10. Путем сельских, фабричных, районных, областных и губернских с'ездов устанавливаются связи и вырабатываются способы самоуправления национальностей в Союзе Советских Федеративных Республик.

11. Центральный Исполнительный Комитет является органом, который исполняет решения и постановления всех с'ездов в стране. Это — не руководящий, а только осведомительный орган в стране, подобно бюро погоды и различным другим бюро в университетах и лабораториях, занимающаяся исследовательской работой.

12. Вместо регулярной армии вводится военная тренировка всего населения для отражения внешнего врага.

13. Школы, больницы, театры, библиотеки и т. п. создаются на добровольные взносы всех граждан и принадлежат всем на равных правах.

14. Свобода выбора профессии и право передвижения с одного места в другое.

15. Упраздняются тюрьмы и ссылки. В свободном обществе все будут сыты и главные побуждения к преступлениям исчезнут.

16. Взаимопомощь, уважение, братство и любовь лягут в основу новой свободной жизни. Старые лозунги: «люби друг друга», «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали другие с тобой», «желай другому того, чего желаешь себе», «не вреди другим», «защищайся»,—будут осуществлены на деле.

Россия показала, что она вполне может жить без коронованных царей. Она же покажет, в это я верю и к этому стремится русский народ, — что она сможет обойтись и без навязанных ей «коммунистических» диктаторов — Ленина, Троцкого, Сталина и других. Русский народ сумел освободиться от татарского ига, царей, графов и помещиков, он сумеет освободиться и от большевицких диктаторов. Царская Россия умерла, но остался 170-миллионный русский народ. Россия за последние 18 лет пережила то, чего не переживала ни одна страна в мире. Русский народ, поэтому закален в борьбе за кусок хлеба к лучшую жизнь. Он научился и знает цену свободе, — рано или поздно освободится из под ига большевизма, станет самым свободным народом в мире, и покажет на примере другим народам путь к освобождению от всякого рабства, насилия и капитализма.

Статья «Будущая Россия» — заключительная глава в моей книге «Что я видел в Советской России», вышедшей в 1935 году в гор. Чикаго, Илл. Поехав в СССР в 1934 году туристом, я после возвращения написал книгу о том, что я видел и слышал в СССР. В указанной главе я выразил свое мнение о том, что я думаю о будущей России, которая, освободясь от тяжелого большевицкого деспотизма и средневековой диктатуры,, бессомненно, начнет перестраивать жизнь на новых свободных началах. В главе «Советская молодежь» я указал на ту огромную

революционную массу в СССР, которая воспитывается в революционном, бунтарском духе и которая рано или поздно свергнет большевицких узурпаторов во главе с Сталиным, засевших в Кремле.

Предложение Редакции ж. «Пробуждение» мне пересмотреть главу «Будущая Россия», пополнить ее и прислать для «П.», я исполнил. Но добавить к ней я решил только несколько слов. Почему? Да потому, что в ней сказано много о будущей России. Конечно, 15 заключительных пунктов в ней можно было бы разработать и ясно указать, как и почему я думаю о том, что будущая Россия именно начнет продолжение и углубление русской революции 1917 года.

Такая работа удлинила бы размер статьи «Будущая Россия» в два раза и явилась бы для читателя слишком громоздкой и тяжелой. Кроме того, дав общий набросок о будущей России, я этим хочу заставить читателя обмозговать прочитанное, — подумать о том, как и почему великий, сильный и могучий русский народ должен перестраивать свою жизнь так, чтобы она соответствовала нашему времени и пониманию Свободы, Братства и Равенства.

Человечество на протяжении всей истории идет по пути эволюции и революции. Эволюция — это накопленные знания за многие века. Революция — средство, которое помогает воплотить эти знания в жизнь.

Человечество много сделало и продолжает делать разных реформ в социальной жизни. Одни из них облегчают положение людей, другие ухудшают. Например, реформы марксистов - большевиков в России и фашистов в Италии и Германии, как мы видим, не облегчают положения рабочего люда, а ухудшают: они навязывают народу казарменные условия жизни, возводя государство в фетиш, устраняя все политические и экономические свободы, завоеванные человечеством на протяжении длинной истории.

Политическая и техническая машина господствуют теперь в мире. А во что превратился человек, этот царь природы и венец мироздания, созидатель колоссальной техники, которая быстро прогрессирует в наше время? Машина, при современных условиях, стала обузой и величайшим несчастьем для человека. Она изматывает его нервы, подрывает физические силы и, хуже всего, превратив человека в простой винтик, выбросила его за борт жизни, заставила его влачить жалкое существование, голодать и умирать. Человек стал лишним в этом мире. За бортом жизни, без дела и труда, ка подаянии политической машины в одной Сев. Америке, в которой мы живем, сегодня насчитывается шестнадцать с половиною миллионов рабочих, живущих впроголодь. То же само происходит и в СССР, Италии и Германии, где казарменные реформы государственного социализма насильно насаждаются народу

Что же осталось впереди? Куда человечество идет и к чему должно придти? Имеется ли выход из создавшегося тяжелого положения и где он?

Нравится нам или нет, но выход остался один: это свободный безгосударственный анархизм, при котором человек будет господином вещей, а машина его слугой. Техника, если применить ее разумно для обслуживания нужд всего народа, позволит человеку работать по силе возможности, скажем, по 2—3 часа в день и жить свободно под солнцем.

К этому свободному анархизму и его безначальному коммунизму медленно, но уверенно идет сегодняшняя Сов. Россия. И чем скорее она изживет рабскую марксистскую государственно - капиталистическую форму правления и приблизится к свободному анархическому строю, тем лучше будет и для русского подневольного народа и трудящихся других стран.

Анархический добровольный строй с его свободным, без принуждения коммунизмом — вот куда мы идем. Да сгинет скорее рабство и нищета в мире и водрузится кропоткинский и толстовский анархизм!

Минский Мужик.

Март 1936 г.

АПОЛЛОН АНДРЕЕВИЧ КАРЕЛИН
(К 10-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ)

20-го марта 1926 года в Москве скончался Аполлон Андреевич Карелин, имя которого известно каждому русскому культурному рабочему в Америке. Лично его знают немногие; знают только те, кому пришлось с ним встретиться в России в годы революции. Но несмотря на это, А. А. Карелин был близок и дорог всем русским культурным рабочим. Они знали его по многим книгам и брошюрам, по многочисленным газетным и журнальным статьям.

На мою долю выпало счастье прожить почти семь лет вместе с А. А. Карелиным. Я не знаю ни его детства, ни юности, и не могу поэтому описать всю жизнь этого милого старика, с вечно юной и бурной душою. Хотя я знал его очень близко, но я никогда не спрашивал его о его личной жизни.

Не люблю, когда меня спрашивают иногда об этом, не хочу спрашивать об этом и других. Для многих людей личная жизнь является святыней. Всякое прикосновение к этой святыне может вызвать в душе человека только одну лишь боль.

Знаю о его жизни следующее:

Родился Аполлон Андреевич в 1863 году в Петербурге. Местом постоянного жительства Карелиных был Нижний Новгород. Отец его, свободный художник, принадлежал к роду аристократическому. Мать А. А. была недалекой родственницей поэта Лермонтова. Дом Карелиных сохранился в Н.-Новгороде до сих пор и превращен сейчас большевиками в музей.

Учился А. А. в нижегородской гимназии. В 1888 году он выдержал экзамен в Казанском университете на Кандидата Юридических Наук.

Литературная деятельность А. А. началась в 1887 году, когда он напечатал в «Юридическом Вестнике» статью «Отхожие и кабальные рабочие» под псевдонимом Макаренко. После этого его статьи по юридическим и экономическим вопросам появлялись очень часто в «Русской Мысли», «Северном Вестнике», «Экономическом Журнале» и других изданиях. В 1893 году была напечатана в Петербурге его книга «Общинное владение в России»; через год появилась его вторая книга «Краткое изложение политической экономии».

В революционном движении он принял участие будучи еще юношей. Был арестован по делу убийства Александра II, но благодаря связям родителей был освобожден из Петропавловской крепости. За свою революционную работу (тогда он не был анархистом) был несколько раз в ссылке. Будучи в ссылке в Сибири, занимался адвокатурой. После революции 1905 года он уезжает во Францию, где и живет до 1917 года. Там же сложились окончательно его анархические взгляды. Некоторое время он, кажется, читал лекции в Высшей Школе Социальных Наук в Париже. Главная же его деятельность была анархической. Там он издавал множество брошюр, листовок и журналов. Заполнял он также своими статьями (под разными псевдонимами) страницы русско - американских анархических изданий.

Когда же произошла февральская революция, А. А. прощается с «милым Парижем» и возвращается в Россию, где с юношеским энтузиазмом работает в анархическом движении. Читает лекции, доклады, пишет для газет. Особенно много писал он для петроградского «Буревестника», пока эта газета не была захвачена вооруженными бандитами, назвавшимися анархистами.

Прожил он в Петрограде два-три месяца, но его знают уже все рабочие. Все его зовут дедушкой, все его просят прочесть лекцию.

Я познакомился с А. А. Карелиным недели через две после его приезда из Парижа. Задолго до этого я переписывал-

ся с ним. Я получал от него обычно небольшие деловые письма и он казался почему то мне очень замкнутым и молчаливым.

Но с первого же нашего знакомства я полюбил его всем своим сердцем и душою. Его красивое аристократическое лицо, с длинною седою бородою, никогда не было мрачным. Хотя в это же время всем приходилось переносить всевозможные экономические лишения, но они его никогда не огорчали. Он жил революцией. Жил верой в лучшее будущее.

Весною 1918 года я переехал в Москву, а через несколько недель приехал туда и А. А. Здесь продолжалась та же работа. Здесь же А. А. некоторое время верил (как и большинство русских анархистов), что октябрьская революция является началом революции социальной.

Но проходит несколько месяцев и эти иллюзии начинают рассеиваться. Появляется «красный террор», начинается преследование большевиками социалистов и анархистов, и А. А. заявляет, что революция разгромлена большевиками.

В Москве вокруг Карелина группировалось много анархистов. В его комнате можно было встретить рабочих, приехавших в Москву крестьян, студентов и студенток, людей из аристократического мира, профессоров и многих литераторов. Карелин умел говорить с каждым человеком. Эти люди придерживались очень часто самых разнообразных мнений, но все любили этого милого старика. Любили его, может быть, за то, что он уважал мнение всякого человека. Он никогда не спорил.

Так, например, хотя во многих отношениях я не соглашался с ним, но втечение 7 лет нашей совместной жизни и работы, мне никогда не приходилось спорить с ним о том или ином вопросе. Не важно, говорил он очень часто, кто во что верит, кто что исповедует. Ведь всякий человек должен быть прежде всего человеком. Никто не имеет права вмешиваться в личную жизнь человека. А ведь эта личная жизнь есть главным образом жизнь внутренняя человека.

В это же время А. А. много писал. Писал статьи, брошюры и вещи серьезные. В 1918 году в Москве была напечатана его серьезная работа «Государство и анархисты». Было напечатано также несколько мелких брошюр. Много работал он также над книгой о парламентском государстве и над большим курсом «Политической экономии». Трудно сказать, конечно, когда увидит свет эта необычайно ценная и большая работа (около 600 страниц) по политической экономии.

Во время самого разгара «красного террора» он написал небольшую работу против смертной казни. Эта работа (изданная отдельной брошюрой в Америке), является одной из лучших работ по этому вопросу. Написаны им также биография Бакунина и «История Первого Интернационала». За все же время своей литературной деятельности А. А. написал очень много. Трудно сейчас дать хотя бы приблизительный список всех его работ.

Последнее время он писал и художественные вещи. Он написал около десятка драм и диалогов. Некоторые из них («Сцены из жизни Великого Новгорода», «Поморцы», «Заря христианства». «Он ли это» и последняя его вещь «Атлантида»), печатались в нью-иоркском «Рассвете».

Многим литературным критикам эти драмы могут показаться плохой литературой. Но А. А. и не считал их произведениями. Не думал он также и о их постановке на сцене. Он писал их просто потому, что всякую серьезную мысль легче понять тогда, когда она передана в литературной (художественной) форме.

Когда он читал в небольшом кружке (где были артисты и литераторы) свою первую драму, ему тогда уже, помню, кто то сделал замечание, что эта драма — очень сильная, но не сценическая. Тогда же он сказал нам: «ах, милые, да я ведь не пишу для сцены». Сейчас мне вспоминается еще один эпизод, который рассмешил собравшихся. Когда было окон-

Большевизм и мораль

Вопросы морали, т. е. нравственного поведения людей, с давних времен занимают человечество. Даже доисторические дикие люди, среди которых господствовало грубое идолопоклонство и котрые обыкновенно не различали между грехом и добродетелью, знали до известной степени разницу между добром и злом, правдой и ложью, справедливостью и несправедливостью и они ревниво и свято защищали свои нравственные права и обязанности. Ибо добро и зло, добродетель и порок, обман и ложь, справедливость и нравственность — не пустые абстракции, а реальные факторы, играющие важную роль в общественной жизни людей.

В настоящей статье я, однако, не буду касаться вопроса о том, является-ли современная мораль классовой или общечеловеческой. Меня также мало занимает теперь и вопрос о том, изменяется-ли человеческая мораль благодаря общему прогрессу, или только в узкой связи материального развития человеческих сил. Я разделяю общую истину, что во все времена — древние и новые, спокойные и бурные, во всех обществах — древних и примитивных, культурных и цивилизованных, всегда существовали некоторые основные моральные взгляды, нравы, обычаи и традиции, которыми руководились и пользовались в своей жизни как отдельные люди, так и целые общества.

На протяжении многих веков в человеческом обществе постепенно вырабатывались неписанные законы, нравственные понятия, справедливые обычаи и традиции, которые известны под общим именем морали. Эти моральные законы не изданы правительством, не предписаны сводом судебных законов: они — продукт многих человеческих поколений. И хотя мораль с течением веков эволюционировала, видоизменялась; хотя мораль от Платона до Толстого в своем развитии прошла много стадий, ее основные принципы все-таки остались непоколебимыми, верными и справедливыми и по настоящее время.

Как возникли среди примитивных народов, ведших полу-коммунистический образ жизни и не имевших даже понятия о современной технике, такие явления, как альтруизм, правда, справедливость и нравственность?

Известно, что марксизм или экономический материализм рассматривает историю человечества, как чисто механический процесс зарождения и развития материальных сил, и отрицает факторы этического характера: мораль, религию, философию и т. д. Ортодоксальные марксисты верят, что над жизнью и человеческой историей безраздельно господствует экономический фактор; что экономика является основой жизни, а мораль лишь надстройкой над материальным базисом. Но здесь обыкновенно забывается, что в исторической жизни народов одновременно влияют различные факторы: политический, национальный, религиозный, экономический, моральный, психологический и др., и очень часто один из них берет перевес над остальными. При этом не мешает указать, что именно современ-

---

чено чтение этой драмы, одна дама воскликнула полушутя: «Аполлон Андреевич, вы ведь забыли женщин! Ведь в вашей драме нет ни одной женщины!».

А. А. улыбается и говорит: «ах, дорогая, я и сам не знаю, как это я пропустил самое главное... Возьмите, пожалуйста, эту вещь и постарайтесь ее как нибудь исправить».

В этих драмах есть нечто особенное Все эти драмы (особенно, «Заря христианства», «Он ли это» и «Атлантида») очень ценны тем, что в них отражается подлинная душа А. А. У него была своя вера, был у него свой Бог. Об этой новой религии, об этом Великом и Непостижимом Боге и говорит он в этих своеобразных мистериях. Его духовный облик был обликом Рыцаря Духа.

М.

ный социализм, в его истинном духе вырос как моральный протест против несправедливого капиталистического строя. Известно также, что моральные обычаи среди людей развились на протяжении многих тысяч лет, и еще на заре истории, когда человек находился на низкой ступени культурного развития и был близок обезьяноподобным существам, были уже известны те или иные моральные правила и обычаи, которым примитивные люди следовали в своей полудикой жизни.

Но после того, как человеческое общество, благодаря кровавым междоусобным войнам, разделилось на отдельные враждебные группы и классы, почти одновременно начала возникать и развиваться новая «классовая» мораль. Каждый отдельный класс с течением времени выработал свою собственную мораль. Известно, например, что буржуазия, как господствующий класс, считает добродетелью и счастьем то, что пролетариат, как подневольный класс, считает для себя злом и несчастьем. Верна ли такая теория, или нет — вопрос спорный. Несомненно, однако, то, что согласно теории Маркса, каждый общественный класс должен иметь свою мораль.

Я остановился отчасти на марксистском понимании той роли, которую мораль играет в человеческом обществе, по двум причинам: во-первых, необходимо подчеркнуть, что согласно Марксу, каждое общество должно иметь свою классовую мораль, и во-вторых, что не так легко отказаться от тысячелетнего морального наследства, завещанного человечеству прошлыми веками.

Посмотрим теперь, как подошли к моральной проблеме коммунисты - большевики, и как они вообще разрешили сложные моральные вопросы после того, как они захватили в свои руки государственную власть и начали прививать новую мораль.

Бросим предварительно беглый взгляд на прошлое большевистской «морали».

Всякий, кто знаком с историей большевистской партии,, знает, что большевики, как «профессиональные революционеры», никогда не брезгали средствами, если только последние вели к достижению намеченной ими цели, и они всегда почти действовали двусмысленным образом. Теоретически или принципиально, например, большевики всегда были против экспроприаций и террористической борьбы, но на деле они организовывали и совершали экспроприации, в которых особенно отличался нынешний диктатор Джугашвили - Сталин, и имели также близкие связи с различными террористическими и экспроприаторскими группировками, от которых нередко получали большие суммы денег для своей революционной деятельности. Они вместе с тем пользовались деньгами таких людей, которых они считали — и по праву — врагами рабочих. Так, например, известно, что вскоре после неудачной революции 1905 года богатый фабрикант Морозов, через посредство Максима Горького, жертвовал десятки тысяч рублей для большевиков, а от московского миллионера Шмидта большевикам удалось получить сотни тысяч рублей, как часть оставленного многомиллионного наследства. И Ленин всегда гордился этим, хотя он знал, что часть партийных денег была захвачена большевиками чисто воровским образом.

Большевики одно время пробовали заниматься также и фабрикацией фальшивых денег. На этом поприще всегда выделялся известный, впоследствии, большевистский дипломат Красин. Но, как фальшивомонетчики, большевики не имели больших успехов. Малоуспешны были затем попытки большевиков и в другой области — в предвыборной кампании, которую они вели с целью избрания подавляющего большинства коммунистов в Учредительное Собрание. Когда же их надежды, наперекор ожиданиям, не увенчались успехом, они безпощадно разогнали «Учредилку» и, пользуясь захваченной властью, насильно навязали свои решения всему русскому народу.

Вообще говоря, вся большевистская партия во главе с Лениным всегда вела двурушническую политику: практически она занималась «эксами» и террором, вела сношения с бандитскими шайками, прикры-

мала участие в политических выборах, когда ей это было выгодно, а на своих партийных с'ездах и в резолюциях она выступала против террора, экспроприаций, бандитизма и парламентаризма.

Ленин, святой отец большевиков, всегда любил повторять, что современная мораль не имеет для него никакого значения и не играет никакой роли. Его цель — социализм, и для достижения этой цели все средства хороши и дозволены. Такое аморальное и иезуитское отношение к борьбе за социализм всегда вызывало справедливое недовольство и возмущение со стороны его инакомыслящих товарищей — меньшевиков. Но Ленин и другие большевики не обращали на это внимания и продолжали свою «моральную работу», разлагая ряды социалистических рабочих. И когда волны октябрьского переворота 1917 года вознесли Ленина на вершину власти, он еще с большим усердием принялся за проведение своих взглядов в новой государственной политике. Кто не помнит его знаменитых инструкций: «Грабь награбленное!» «Убеждай и принуждай!». «Каждый коммунист должен быть чекистом». «Каждый чекист обязан употреблять все средства в деле защиты советского государства». Словом, Ленин разрешал делать подлоги, лгать, воровать, провоцировать, разбойничать и т. д. Все до сих пор выросшие, известные моральные истины и традиции были для Ленина не больше, как буржуазные предрассудки, которым он и его единомышленники об'явили смертельную войну. И большевики, к несчастью, подтвердили это, как только очутились у власти. Они шли к власти с криками: «Долой смертную казнь», но никто еще не делал ее столь постоянным и систематическим орудием внутренней государственной политики, как именно большевики. Только в течение первых 3-х лет существования большевистской власти, в СССР было официально зарегистрировано 10,000 казней!

Долгое время народы всех времен стремились к свободе и лучшей жизни. Много крови было пролито и много человеческих жизней погибло в национальных и религиозных войнах и в борьбе за экономические и политические свободы. Великая французская революция, стоившая человечеству тысяч жертв, открыла новую историческую эпоху своим провозглашением великих моральных принципов: свободы, равенства и братства. Весь культурно-прогрессивный мир вообще и рабочие массы в особенности кровно заинтересованы в осуществлении этих гуманных принципов.

Французский коммунист Бабеф мечтал о коммунизме, как о таком общественном строе, который принесет с собой свободу и счастье для всех. Немецкий коммунист Маркс мечтал о коммунизме как о безклассовом идеальном обществе, в котором не будет места произволу и насилию. Но вот явился Ленин и своей иезуитской работой свел на нет великие принципы.

Согласно его теории человек — фикция, а общество—все; не советская власть для страны, но вся Россия, весь трудовой русский народ для его большевистской утопии. А что же Ленин и вся коммунистическая партия дали великой стране? Россия получила в наследство диктаторский режим, отнявший у народа его свободу, независимость и самодеятельность. Россия теперь — деспотическая страна, в которой господствуют: рабство, эксплоатация, насилие и деморализация нравов. СССР — страна кровавой диктатуры, голода и смерти миллионов людей!

Верные заветам Ленина, большевики всеми силами стараются перевернуть жизнь России вверх дном. Они арестовывают, грабят и мучают десятки и сотни тысяч людей в тюрьмах и подвалах Г.П.У. Они без суда расстреливают сотни людей, обвиняемых в таких «страшных преступлениях», как контр-революция, спекуляция, вредительство и т. п. Они довели миллионы «деклассированных» крестьян до ужасного голода в 1932—33 г.г., в результате которого погибло более трех миллионов жизней! Человек, человеческая жизнь и свобода потеряли для них всякое значение. Никто в стране не имеет права критиковать, возмущаться, протестовать... Насилием и террором потерявшие совесть большевики заставили молчать и бездействовать

многомиллионный русский народ, превращенный ими в покорных рабов.

Хотя после введения ленинского нэп'а в 1921 году экономическое положение России немного улучшилось, но ее моральное время продолжает быть тяжелым, плохо влияя на сознание и психику народных масс. Если, например, во время диктаторства Ленина коммунистические вожди пользовались правом критиковать друг друга, то это сделалось невозможным после поражения Троцкого. С восшествием же на диктаторский престол преемника Ленина — «гениального» Сталина, его слово сделалось святым, и всякий, осмеливающийся противоречить грозному диктатору и уклониться от намеченной им генеральной линии партии, рассматривается, как государственный преступник, или как контр-революционер, подлежащий суровому наказанию.

Однако, сам Сталин за свои уклоны не подлежит, конечно, наказанию. Ибо, кто же, в самом деле, станет наказывать царя-диктатора?. А между тем, Сталин до получения диктаторского кресла, как известно, был ярым защитником свободы и равенства для всех рабочих. Но как только он пробрался к власти и сделался диктатором, он «поправел» и изменил свои прежние взгляды, что доказывает, например, следующее место из его речи, произнесенной на с'езде большевистской партии в конце 1934 года. Сталин, между прочим, сказал: «Равенство в области потребления и личной жизни есть мелко-буржуазный предрассудок, присущий отшельникам, но не социалистическому обществу».

Сталин долгое время был решительным противником вступления России в Лигу Наций. Как верный ученик Ленина и лучший выразитель его теории, он вместе со своим учителем считал Лигу Наций «бандой империалистических разбойников». Но это, однако, не помешало ему об'единиться с «разбойничьей бандой», в которой другой коммунистический вождь, наркоминдел, Литвинов играет теперь большую роль. И это, конечно, очень характерно для всех диктаторов: до захвата власти они страшные революционеры, но коль скоро становятся у руля правления, они изменяются и заботятся о своем собственном благополучии и интересах своей господствующей партии больше, чем о благе трудового народа.

Политика Сталина и всей теперешней коммунистической бюрократии ясна: все коммунисты и комсомольцы должны сделаться чекистами и шпионами. Каждый коммунист обязан доносить в рай-ком, партячейку и Г.П.У. на всех, кто так или иначе осмеливается критиковать большевистское правительство и его вождей. Доносы допустимы и в таких случаях, когда обвиняемыми являются родные: отец, мать, брат, сестра и т. д. Неудивительно поэтому, что в такой, созданной большевиками, амөральной атмосфере человек просто задыхается: он боится высказать свободное слово, выразить личное мнение и с опаской оглядывается кругом, не следят-ли за ним чекисты. В такой атмосфере человек теряет волю и самодеятельность и становится апатичным и послушным рабом. И с таким человеком, конечно, легко справиться.

Большевики, как грубые материалисты, не считаются с личными чувствами и убеждениями и им чужды всякие нравственные понятия. В своей борьбе против инакомыслящих и противников они не останавливаются ни перед какими средствами. Они не довольствуются физическим истреблением противника, они еще морально оплевывают, грязнят и чернят его идеи и веру. Так они поступают по отношению к анархистам, социалистам, левым коммунистам или троцкистам, которых они называют бандитами, контр - революционерами, фашистами и тому подобными «приличными» эпитетами.

Большевистская мораль допускает и оправдывает ложь, обман, подлог и провокацию и создает почву для развития низменных чувств лакейства и подхалимства среди членов коммунистической партии, среди партийных бюрократов и среди некоторых услужливых советских писателей. Вот один из многочисленных образчиков

большевистского лакейства:

На последнем конгрессе советов в Москве, состоявшемся в январе 1935 года, советский «литератор» Авдеенко «скромно» произнес следующие хвалебные слова Сталину: «Вся наша любовь, наша преданность, наша сила, наши сердца и наши жизни — все принадлежит тебе. Бери их, о, великий Сталин, верный вождь нашего великого народа! Укажи твоим детям, и они подымутся в воздух, спустятся вглубь земли, полетят через моря и в стратосферу. Люди всех времен и всех народов свято произнесут твое имя — имя великого и гениального человека. Твое имя красуется теперь на всех построенных фабриках и машинах; оно известно каждому рабочему. Я счастлив часто вспоминать твое великое имя, если моя любимая жена родит мне сына, то первое слово, которое я ему скажу, будет Сталин!»

Отсюда, пожалуй, один шаг к тому, чтобы передать и жену Сталину... Ведь в этой плоскости развивается новая большевистская мораль — мораль диких, развращенных властителей.

Давно уже известно, что все диктаторы боятся правды. Они любят, когда им льстят. Они жестоко подавляют всякое правдивое сообщение о своей личной жизни и жизни подвластных им людей; это часть их необходимой работы. Методы же всех диктаторов — красных, коричневых, черных — всегда одинаковы: суровыми законами, насилием и террором запугать трудовые массы народа и заставить их подчиниться железной воле диктатуры.

Большевизм не понимает, что новая мораль не может быть введена в жизнь посредством декретов; он не понимает, что мораль возникает и развивается по мере изменения не только форм, но и обычаев и традиций общественной жизни. И нужно констатировать, что моральные отношения людей развиваются гораздо медленнее, нежели новые социально-экономические взаимоотношения. До сих пор еще не было доказано, что в человеческом обществе господствует указание на то, что такие моральные явления, как правдивость, справедливость и нравственность, в большей или меньшей степени распространены во всех классах человеческого общества. Этические идеи, которые проповедывали такие моралисты, как Будда, Платон, Христос, Спиноза, Кропоткин и Толстой, никогда не потеряют своего значения, ибо они очень сильны среди миллионов верующих и прогрессивных людей. Существующие же моральные противоречия являются результатом непонимания большевиками той несомненной истины, что есть только одна общечеловеческая мораль, не укладывающаяся ни в какие догматические или партийные рамки.

Большевизм, понятно, не признает общечеловеческой морали; он не понимает и не признает нравственного долга и нравственных доблестей. Он признает только классовую мораль. Эта мораль растворяется в насильственной большевистской тактике, не признающей нравственно ничего выше и значительнее двух факторов: физической силы и физической потребности и неуклонно преследующей иезуитский принцип: «цель оправдывает средства».

В интересах этой морали можно и нужно оперировать понятиями и силами применительно к обстоятельствам. Если не удается отмена частной собственности, можно и нужно ее частично восстановить. Если не удается «диктатура пролетариата», можно и нужно восстановить диктатуру над пролетариатом. Если не удается коммунистический эксперимент, можно и нужно восстановить государственный капитализм, разбавленный казарменным «социализмом». Если не удается обойтись без бюрократии и милитаризма, можно и нужно вернуться вспять и использовать их в интересах правящей партии. Если не удается подорвать капитализм в других странах, можно и нужно войти с ним в дружеские отношения. Если не удается вызвать мировую революцию, можно и нужно удовлетвориться «победами» русской революции. И т. д. Словом, все позволительно, раз держишь власть в руках...

Но давно уже известно, что мораль властителей — не истинная мораль. Истинная мораль может существовать только между людьми равными и свободными. Большевизм же, основанный на лжи, об-

Государство и централизация

Ф. ЭРТЕР.

Ничего не говорящая фраза, как не пробиваемый щит, от которого все должно отскакивать, беспрестанно преподносится отважным новаторам.

«Так есть, так было, так будет». Поскольку печально и пессимистично звучат подобные заявления, постольку же они и ложны. Развитие находится в постоянном движении, хотя оно порой и протекает довольно медленно и лениво. Эта фраза без сомнения бросалась в лицо людям, стоящим в этическом отношении на более высшей ступени развития, которые стремились уничтожить жестокий каннибализм и языческий обряд жертвоприношения.

Также и «государство» не есть установление, существующее испокон веков. Оно произошло в течение времени из небольших начинаний и возросло постепенно до чудовищных ныне представляемых, размеров. Если государство первоначально распоряжалось преимущественно кошельком своих подданных, что порой производилось довольно таки беззастенчиво, то впоследствии оно распространило свое властное полномочие на общественную и частную жизнь людей.

Оно записывает и регистрирует каждое появление на свет новорожденного ребенка, наблюдает и опекает его в течении юности посредством своих органов и обучает в народной школе, поскольку оно находит для себя допустимым и выгодным.

Если подрастающий попадает на работу, то государство и здесь регулирует условия труда посредством законных установлений, принуждает его к воинской повинности, где его вымуштровывают и делают пригодным для массовых убийств, дает ему милостиво концессию на женитьбу, торговое предприятие и заботится, наконец, о его законном погребении. Короче говоря, государство вмешивается с наглой навязчивостью во все, что его совсем не касается. Конечно, оно строит шоссе, железные дороги, почтовые учреждения и сообщения, школы, университеты, музеи и т. д., но и больницы, тюрьмы и сумасшедшие дома, куда оно запрятывает тех, кто под его «благосклонным» господством пострадал телом, душой и сердцем. Возможно также, что в понятии «государства» была первоначально заложена добрая идея, соответственная по смыслу нашим поговоркам: «один за всех, все за одного» или «в единении сила». Общество людей, каждая отдельная личность которого горда, свободна и самостоятельна, безусловно в состоянии превратиться в общество свободных индивидуумов. Но государство не есть общество свободных индивидуумов, но является принудительным аппаратом и как раз наиталантливейшие люди чувствуют себя в нем особенно стесненными. Греческая мифология разсказывает нам о Прокрусте, вреднейшем живодере человечества, который каждую жертву укладывал в свою пресловутую кровать. Если кто-нибудь оказывался небольшого роста, того он вытягивал до тех пор, пока кровать была и ему впору, если-же жертва была длинная, то он просто укорачивал ей ноги. Так и государство есть такая же шаблонная кровать, так как все воспита-

---

мане, вероломстве и насилии, создал новые классы и привилегии, неравенство доходов и власть одних людей над другими. Следовательно, большевистская мораль — ложная мораль.

Это знают все, кто стремится к истинному прогрессу и к лучшей, свободной и справедливой жизни. Это знают все нравственно воспитанные социалисты и анархисты, убежденные в том, что без свободы и справедливости нет и не может быть социализма. Те же, кто слепо верит в большевизм и его ложную мораль, могут, конечно, желать скорого наступления социализма, но их вера — моральное банкротство социализма, ибо без свободы и равенства нет справедливости, а без справедливости нет нравственности!..

Л. ЛИПОТКИН.

ние, получаемое нами в школе, к сожалению, также часто и дома — и в жизни посредством законов, сводится в конце концов, к тому, чтобы вытянуть или обрезать нашу индивидуальность, дабы мы впору пришлись бы в прокрустову кровать государства.

Вынудить религиозное подчинение в настоящее время не так легко, как это было прежде, но государство обладает многими средствами принудить отдельную личность к послушанию. Лишь одна сила возросла в последнее время настолько, что осмеливается оказать установлениям государста сопротивление и довольно неприкрытое противодействие, это — организованная денежная власть трестов.

Так, с одной стороны государству противятся бедные и лишенные прав, так как в нем им приходится тяжело страдать, а с другой стороны против него ведет борьбу интеллигенция, которая считает, что государство своим ядовитым дыханием убивает самостятельность и инициативу личности. И даже капитал, враждующий с ним, как только государство пожелает пойти вразрез с его эгоистическими целями. Государство, как правовое установление, есть больное сообщество больных индивидуумов. Раз'единенное ржавчиной и подточенное едкой критикой, оно все же держит в железных тисках человечество. Если люди в отдельности будут здоровы и крепки, то скоро они без особых напряжений порвут эту притесняющую форму сожительства.

Государство берет силу от многих и передает ее в руки немногих; причем стремлением его является централизовать эту силу, но не для того, чтобы уравнивая и помогая распределить ее на всех, но лишь сконцентрировать на пользу ограниченного числа привилегированных лиц. На основании этого авторитетная мания и самомнение вздулись до смехотворных размеров. Логическая последовательность централизованной государственной идеи сводится к империализму, т. е. к стремлению отдельных больших государств, владычествовать над всей землей и заручиться соответствующим влиянием на ход мировых событий.

К чему ведут эти соревнования, мы видели в период мировой войны. Мы, анархисты, не хотим, как например социал-демократическая партия, на место современного государства ввести новое государственное установление, мы отвергаем вообще всякое централизованное установление, так как считаем, что подобная форма организации общества препятствует отдельной личности достигнуть своих прав и достоинства. История доказывает, что величайшие централизации всегда означали несчастье: постоянно, чем выше торжествовала государственная идея, тем дальше находились народы от благосостояния и довольства.

Достаточно лишь припомнить печальное положение народов в период римской империи, тот ужасный гнет, который оказывало централистическое организованное папство до конца средних веков на европейские страны.

И вновь начинает свирепствовать в ужасающих размерах централистическая лихорадка и поистине не в плоьзу индивидуальной самостоятельности. Что такое, например, политические и профессиональные формы рабочих организаций, как не дополнительная копия государства? Не подражают ли они все поразительным образом государству своим чиновничеством, лидерством, авторитетным культом, своей оффициальной прессой, законами и даже порой политическими установлениями? Как самостоятельно мыслящие люди, мы отвергаем всякое насилие, принуждение, а равно всякое подчинение и дисциплину; одна лишь солидарность является спайкой нас связывающей.

Взаимную помощь мы провозглашаем нашим первым принципом, при помощи которого ы хотим построить общество. Средством этому служат свободные договоры и соглашения, заключаемые между отдельными группировками и лицами, которые каждый охотно соблюдает и исполняет уже потому, что они заключены при взаимном интересе. Законы, которые поддерживаются насилием, теряют тем самым свое значение.

Ф. ЭРТЕР.

«ВОССТАНИЕ»

Наш анархический отряд стоял на хуторе Михайловском, когда мы получили телеграмму приехать срочно в город Мглин: тамошние контр - революционеры подняли восстание и захватили город. Легкое сомнение у меня появилось тут же. Я хорошо знал эту местность. Городишко был мизерный — в пять-шесть тысяч жителей, на две трети заполненный еврейской беднотой — и восставать, казалось бы, там было некому. Но под телеграммой значилась и подпись моего товарища, Марко Лобанова, с которым мы в тех краях работали еще до революции. И мы решили поехать. Командующий Первой армией, Ремнев, не особенно был доволен нашим решением, пробовал даже возражать, но мы настояли на своем. Мы прибыли на станцию Унечи, ближайшую железнодорожную станцию от Мглина, —там уже ждал нас начальник мглинской милиции. Оказывается, восстание уже было подавлено. Расспрашивать о подробностях я не стал. Большевикам мы тогда еще верили на слово, а их изумительная способность извращать факты до неузнаваемости, начала только расцветать еще. Да и трения, которые в крупных центрах стали уже ярко обозначаться между анархистами и властью, в провинции еще не ощущались. Они даже не знали — и вопрос о защите революции, как таковой, стоял на первом плане. Это было весной 1918 года.

Но мне все таки хотелось посмотреть на знакомые места. Да и хотелось лично узнать: что это там за такое восстание было.

Мы сели — начальник милиции и я, в ожидавший нас автомобиль—и поехали.

«Уж вы увидите, товарищ! Уж вы сами увидите. Уж как мы им там хвост прищемим!

И хотя он произнес эти слова, нервным, возбужденным голосом, но в нем чувствовалась и большая доля бахвальства и довольства собой — и в его серых, немигающих глазах было нечто такое, что производило нехорошее, отталкивающее впечатление: как быстро, однако, они вошли в свою роль носителей власти!

Наш автомобиль шел по немощенной, размытой весной дороге, подпригивая и кренил по ухабам и рытвинам и, порой, почти наполовину утопал в жидкой, перемешанной со снегом, грязи.

«Подумать только, восставать вздумали! Председателя Исполкома т. Шимановского убили, ни одного приказа не выполняют, саботажники, контр - революционеры!».

«Ну, насчет приказов — это особая статья, — ответил я. А Шимановского так-таки открыто убили?»

«Чтоб сказать — открыто, — не скажу. Мы его за городом нашли — во рву».

«Но, товарищ, откуда же вы знаете, что это они его убили? Ведь это нужно доказать! Знаете вы это достоверно?»

Вся эта история мне казаться начала довольно подозрительной. О Шимановском я уже что-то слыхал мельком от моей матери, когда я, после освобождения из тюрьмы, приехал на несколько дней домой. И если память мне не изменяет — этот Шиманский до революции был черносотенцем и в процессиях ходил с царским портретом; после революции он стал эсером (кто после революции не стал эсэром!), а теперь он заделался большевиком. Парень, значит, был ловкий. Все это я и высказал теперь совему спутнику.

«И нечего удивляться, — прибавил я, — что кто нибудь, кто его хорошо знал, его ухлопал».

Начальник милиции перебил резко, со сверкающими глазами:

«Это не важно, что и кто он был раньше. Главное сейчас: он работал за пролетариат — и они его убили! Но все они сидят уже во—как!»

И он сжал кулак, как бы наглядно показывая: как они там сидят. И он нахмуренно замолчал, — обиделся.

Да и трудно было говорить: по этой весенней распутице автомобиль надрывал-

ся, пыхтел и шатался, как пьяный — и нужно было крепко держаться, чтобы не вылететь в грязь. Но вот мы выехали из лесу, поднялись на косогорочек и покатили по более крепкой укатанной дороге.

Знакомая дорога! Как недавно, кажется, шел я вот этой самой дорогой, кандалы бились между ногами — и по бокам четыре конвойных. Вот она березова рощица... Тогда я ее не так быстро пролетел. Широкие поля — и далеко за ними старый, стеной сгрудившийся бор. Как и тогда, стоит он, подернутый легкой дымкой, будто задрапирован синеватой вуалью.

С каким тяжелым, тревожным чувством смотрел я тогда на его тихую красоту; какие звуки-зовы манили, влекли туда; как будто тысячи нитей, захлестнутых вокруг каждого дерева, одним концом своим приросли к сердцу, и, с каждым шагом вперед — натягивались, дрожали и обрывались с невыносимой болью. А теперь!... Я забываю о сидящем рядом со мной несимпатичном мне человеке; забываю, что там восстали какие-то мещане; широко-открытыми глазами я впиваюсь в вертящийся хороводом лес; тяжкими глотками я вдыхаю жесткий встречный ветер; наклоняюсь вперед, как при бешеной скачке верхом, — шибче, товарищ, шофер!

Э-эх, Свобода! на радость, на счастье — разгулялась ты, долгожданная, любимая! Бурным пламенем, пылающими кострами разлилась по селам, городам; освежающей бурей пронеслась по затхлым хатам и лачугам, и вихрем, смерчем роковым по палатам и дворцам! Гордой волей, творческим порывом окрылила ты братьев - людей, — и нет преграды тебе, могучая, нет предела твоему орлино - дивному полету!

Шибче, товарищ, шофер!

Пусть машина в напряженно страстном трепете с приводным ремнем—дорогою сливается в одно и горячим клином расщепляет налетающую даль; пусть тягуче-плотный воздух влажными полотнищами обвевает властно тело, свистит мне в уши, колет тонкими иглами лицо, и из-под разнузданных колес пусть стаей робких птиц брызги в стороны летят, — шибче, товарищ, хотя бы черт нас побрал!

Мы взлетели на горку, и вдали показалась колокольня и рой как бы придушенных, прижатых к земле домишек. В'езжаем в город. Нет — эта история с восстанием мне не нравится все более и более. Унылая, вся залитая грязью, базарная площадь выглядела как при осадном положении. Лавки были заперты и почти во всех домах были наглухо закрыты ставни. Казалось и эти несчастные лавченки и эти жалкие домишки были охвачены смертельным ужасом, это было как толпа людей, которые прикрыли руками головы, оцепенели и ждут неминуемого удара. И эти шлепающие тут и там в грязи крестьянские парни, с болтающимися за плечами винтовками, не вносили жизни, а, наоборот, еще усиливали этот смертный ужас городка.

Попался мой Лобанов на большевицкую удочку. Какое уж тут восстание! Видно, выведенные из себя зарвавшимися властителями, эти несчастные вздумали противоречить. Мне захотелось увидеть этих «повстанцев» и мы поехали к тюрьме.

Знакомое трех-этажное здание. Только серей и грязней еще больше стали стены когда то белые и серая каменная ограда вокруг. Серой, бездушной тяжестью придавила она невысокий холмик. И привратник — тоже старый знакомый. Широко и подобострастно открывает он перед нами дверь во двор — и мне показалось, что он даже мне подмигнул своим левым глазом — эта старая рыжая лиса. Входим в коридор. Затхлый, застоявшийся годами воздух бьет нам навстречу, и та особенная полутьма, которая царит на коридорах тюрем слепит глаза. С намерением или, быть может, случайно — открывают камеру — ту самую, где я просидел целый год, пока меня не отправили дальше. Даже койка — единственная в камере — стоит еще на своем старом месте,—налево у стены.

«Встать!» — крикнул начальник ми-

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

Человек, подобно всякому животному, борется со всеми без исключения преградами, стоящими на его пути, в своем безудержном стремлении к жизни. Не даром словами «борьба за существование» люди оправдывают все свои поступки.

Сила жизни и радость бытия так заманчивы, что человек инстинктивно, как и сознательно, ни перед чем не останавливается в своем существовании. Самую опасную и жестокую борьбу люди ведут не с дикой природой, с ее еще неизвестными силами, но главным образом, между собой. В борьбе за существование, за первенство, право, обладание, славу, господство личное, партийное, народное, национальное, расовое, классовое — пролиты океаны человеческой крови; в государственных и гражданских войнах, во всевозможных переворотах, революциях и восстаниях, в ужасных мучениях погибли миллионы несчастных, ни в чем неповинных людей.

Материальный мир — главная оболочка нашей жизни, без него нет возможности существования, тем не менее, люди, привыкшие за все бороться, вступают во вражду и в беспощадную борьбу также и за духовные ценности.

Не было еще такого дела, за которое люди не готовы были бы постоять головой. Борьба же за существование, по существующим понятиям, это «закон природы». «Вне борьбы, сама наша жизнь не гарантирована».

Даже чистая наука, занимающаяся исключительно фактами и умеющая различать вещи в природе, признает борьбу естественным законом нашего бытия.

Борется-ли кто ради больших или малых интересов, личных или общественных дел, всяк готов бороться до победного конца, с кем бы то ни было, каким угодно путем, любыми средствами, совершенно не

лиции. С полу повскочило человек десять-двенадцать. Камера была полна. Лишь два или три молодых лица. Остальные от тридцати пяти до пятидесяти лет.

«И это повстанцы?» — думал я. Мне было стыдно перед этими людьми и досадно на этого человека, который чувствовал себя богом в этом городишке. Его грубый окрик мне был мучителен до боли.

В числе стоявших впереди заключенных, я заметил старого еврея. Он был высок, чуть с поседевшей наполовину бородой. Он, вероятно, поймал на себе мой взгляд и, ободренный этим, обратился наполовину ко мне, наполовину к начальнику милиции:

«Господин начальник...». Но тот страшно вскипел.

«Господин?» — тут тебе не господа! Ты контр - революционер!»

Град матерщины затрещал в камере.

«Оставьте, оставьте же...» пробовал я унять его. Но он уже вошел в свою роль, бесился и кружился, как юла, по длинной узкой камере, наполняя ее всю собой. Он никак не мог успокоиться. Этот старый еврей, всю жизнь дрожавший перед всяким начальством, еще не далеко, видно, подвинулся в революционной терминологии и плохо понимал разницу между прежним «господин» и теперешним «товарищ». Бледный от страха, он лишь чувствовал, что свершил какую то ошибку, и обратился уже непосредственно ко мне, инстинктивно чувствуя, что здесь он имеет больше шансов на внимание.

«Ваше благородие...», начал он. Но тут начальник милиции избоченился, размахнулся и — раньше чем я успел заступить ему дорогу, — раз! — изо всей силы ударил старика по лицу.

В камере вдруг все замерло. Облитый кровью старик выплюнул на пол два зуба и, дрожа и всхлипывая, придушенно зарыдал. Это страшно — видеть как старый человек рыдает.

САША-ПЕТР.

считаясь с тем, сколько вреда он этим принесет кому либо, лишь бы победа (пусть ничтожная) осталась за ним.

Если согласиться с суждениями многих, в том числе и ученых, защищающих «естественный закон» борьбы, как единственный стимул всякого прогресса, как способ возможности нашего пребывания и процветания на земле, тогда придется так же оправдать все без исключения зло, вечно преобладающее в мире.

Если борьба — закон природы и нашего существования, то нечего щадить никого, а надо отнимать последнее у нищего, и даже самую жизнь, если мне это понадобится. Фактически мы так и поступаем, или готовы поступить: вся наша жизнь чередуется со злом, а добро лишь редкое явление.

Великая человеческая трагедия, называемая историей, закреплена многотысячелетним рабством, да несмываемым пятном крови, как единственным знамением исхода борьбы за существование. Оправдывающие такой безсмысленный и позорный для человека образ жизни, во главе с некоторыми учеными, также заинтерессованными в существующем строе, разсуждают так:

«По естественному закону природы, по темпу жизненного пульса ее, все живущее в мире есть единый продукт ее. Не будь борьбы вообще, не было бы никаких завоеваний, не было бы никакого прогресса, не было бы и самой жизни человеческой».

Но присматриваясь к существующему укладу жизни, легко убедиться, что такие суждения в корне неверны; многие жизненные факты подтверждают нечто совершенно противоположное.

В образе жизни, слепо подчиненном животному инстинкту, борьбе каждого со всяким, где люди уподобляются диким зверям, таится глубокое заблуждение человеческого рода. Ведя образ жизни, основанный на междоусобице—вечной борьбе, люди не только ведут ненормальный, противоестественный образ жизни, но также несправедливы и нечестны по отношению к себе самим.

Вечно люди упрекают друг друга в недобросовестных отношениях к ближним, ко всем окружающим, а сами так же поступают по отношению к другим. Вечная борьба на смерть всегда ведется не только между сильными и слабыми, но и между равными. Во всякой же борьбе, в любом конфликте, чаще всего, все участвующие, в конечном счете теряют. Победители сами впоследствии погибают, преимущественно, таким же образом, как и побежденные ими, а то и от собственной руки. В борьбе за существование, которая ведется между всеми людьми на всех поприщах жизни, на всем протяжении человеческой истории, как между отдельными личностями, группами, нациями, странами, народами, классами, где все для своих особых целей готовы на самые страшные дела, заложен главный фундамент безсилия человека, его нравственного позора, а так же главные причины его прозябания, как и всех его несчастий.

А между тем, долго длящаяся и постоянно развивающаяся между всеми азартная борьба, все больше популяризуется, а все участники еще ищут безпредельного успеха.

Международные, как и внутренние отношения всех стран осложняются, распри чуть ли не между всеми людьми увеличиваются и грозят миру разрушением и даже уничтожением материальных, как и моральных ценностей. Не лучше ли переменить вехи, пока еще не поздно и начать больше соображать, что делать?

Необходимо всякую борьбу между всеми людьми направить на путь содружества и доброго сотрудничества. Победить всякого зломыслящего можно только наставлениями и любовью.

Не должно быть ни врагов, ни классов, ни границ государственных, ни национальных рамок, ни расовых различий, никакого патриотизма и многого множества иных подразделений.

Когда-то горсточка людей владела всей землей, нашим миром; теперь многомиллионные массы в центрах наших знаменитых городов, заваленных чрезвычайны-

ми богатствами, голодают и нуждаются в приюте.

Войска, полиция, шпионы, государственные чиновники и вообще прислужники власти и богатых, это никто иной, как братья трудящегося населения: они главная опора существующего несправедливого строя.

И если родственные по экономическому и социальному положению люди готовы ради своих личных мизерных интересов предать и растерзать друг друга, то чего лучшего можно ожидать от обществ или даже индивидов, розняшихся социально, экономически, да вообще расходящихся и враждующих на какой либо иной эгоистической почве?

Если иные животные безжалостно уничтожают друг друга (сильный более слабого) для своего существования, то мы не удивляемся, зная их неспособность создать более нравственный образ жизни.

Но когда мы узнаем, что человек ничем не брезгает, ни перед каким злом не останавливается по отношению к брату-человеку во имя своего личного существования, успеха или хотя бы ничтожной выгоды, то страшно негодуем.

Человеку возможно бороться со стихиями, ему вредящими, неведомыми, как и случайными, с дикими зверями, с болезненными микробами для обеспечения и улучшения своего существования.

Но бороться человеку с человеком, всех со всеми за свое существование, это безумное дело. Что же это такое, в чем кроется заблуждение рода человеческого? Ведь в сущности, экономическая сторона жизни главная проблема человека. А вместе с тем, материальных благ, им же созданных, есть несметное количество, а огромное большинство живет в нужде, многие голодают.

Борьба за существование, за преобладание является самым умопомрачительным явлением в жизни современного человеческого общества. Без борьбы, без вражды, без всяких состязаний и соревнований нет у людей жизни.

Немыслимым кажется, что высокоразумные современные люди, достигшие большой материальной культуры, все еще продолжают вести между собою дикую борьбу за существование, за экономическое положение.

Такой борьбы не должно быть. Борьба всех со всеми «за свое существование» противоестественна не только логическому мышлению,но и самому человеческому бытию. Когда отдельная личность не в состоянии без посторонней помощи осуществить какое либо дело, то группа или целое общество, собравшись вместе, приводит в исполнение начинание индивидуума. Ясно, что такое дело будет общественным, ибо оно не могло осуществиться без участия многих; следовательно, все принявшие участие в осуществлении его, должны пользоваться плодами своих трудов.

Но этого нет, ибо, совершивши общее дело, каждый в отдельности для своего личного успеха намерен враждовать и бороться со своими вчерашними сотрудниками. Только потому, что люди в душе нечестны, нравственно и умственно извращены, нет у них действительного содружества и дела не идут на лад. Если ныне ни один человек не может существовать без участия в его судьбе других, как могут некоторые расчитывать жить в исключительном довольстве на труде масс, создающих все блага на земле?

Оказывается, что немногие, а главным образом правительства, эти сильные и власть имущие, да отдельные финансисты владеют всеми достояниями природными и человеческими, а массы живут в нужде и многие из них в отдельности стремятся очутиться на положении тех, которые находятся на верхах. Мир погружен в хаос борьбы, государства, нации, расы, партии, группы и индивиды, все поощряют ее. Борьба эта не мечта и утешение, но суровая и жестокая реальность. Начинается она словесно и переходит в ожесточенные схватки вплоть до кровавых революций и диких войн. Все это творится ради превосходства, владычества, ради порабощения и угнетения масс, но не для их полного освобождения, как это рекламируется пар-

тайными и государственными представителями.

Классовая борьба, которая ведется между трудом и капиталом, это только малая часть той грандиозной борьбы, которая преобладает в умах всех без исключения людей. Борьба за личное существование между отдельными людьми служит главным началом и фундаментом массовой борьбы. И если в психологии людей заложена основа борьбы за существование, за право, за лучшую долю, которая зиждется на победе друг над другом, партии над партией, нации над нацией, расы над расой, народа над народом, класса над классом, не будет мира на земле, ибо в таком случае нет благодати в сердцах человеческих.

Величайшая из всех задач человека заключается в умении найти способ освобождения себя от вековечного психологического заблуждения, как и животного эгоистического инстинкта, толкающего его во всех жизненных проблемах на слепую борьбу с ближним. Никакой борьбы между людьми не должно быть, ибо всем одинаково уделено место под солнцем, а всяческих материальных благ есть вдоволь для всех; так что нечего людям пожирать друг друга. Нет такого дела, тем не менее идей, которыми можно оправдать массовые убийства. Каким образом достичь гармоничной, достойной, подобающей человеку жизни — это проблема всех людей.

Одна из важных задач человека, это познать себя таковым, каков он есть, без всяких прикрас. Пусть не думает человек, что он лучше других, даже очутившись на высшей ступени положения. Как ни ценил бы человек самого себя, как ни ставил бы свое достоинство, он не должен упускать мысли, что таких, как он, много, только никому неизвестных. Дело каждого вдумчивого индивидуума найти равную себе, своей личности оценку во всяком человеке. Кто признан выдающимся и отличается от других, пусть ищет в каждом своих особенностей, дабы уравнить себя с ними и их с собой.

Также нации, народы, расы, хотя и отличаются одна от другой историческими особенностями, подобно тому, как каждый индивидуум, хотя и отличаясь одна от другой, пусть не считают себя «избранными».

Все достойные особенности каждой нации, расы, народа, как и отдельной личности, хороши, когда они молча и с благоговением преподносятся как дар миру, как общая ценность человеческая, но когда ими хвастает кто либо — тогда всякая, даже ценная особенность, скорее может послужить предметом раздоров вместо дружбы. Отсюда вытекает состязание, или борьба и вражда нравственного и духовного порядка. Бурей же рожденные, в буре и умирают, таким образом не изживая положенной им жизни. История всегда повторяется: за успехи единичных лиц терпят и страдают массы.

Массы являются носителями всех бедствий, творцами революций, участниками войн, победителями и защитниками государств, покорителями земель, они же созидатели и ценители всяких искусств, наук а сами всегда находятся на самой низкой ступени экономического и социального положения. Все войны и революционные движения всех народов, на всем протяжении человеческой истории, ознаменовавшиеся сплошным кровопролитием, фактически мало чем услужили массам, по крайней мере огромному трудящемуся большинству.

Что касается духовных ценностей и культуры вообще, то судя по глубоко-религиозным течениям разных веков, видно, что мысль, как и чувство, в этом отношении не превзошли тех, которые были возможны тысячелетия тому назад.

Для нас, современников, подлинное христианское учение так удивительно мудро, так глубоко нравственно, что считается совершенно непостижимым и даже фантастическим. Религозная глубоко - нравственная христианская мысль живет с той поры и совершается, но наряду с ней реформируется и церковная религия; соединясь, они идут рука об руку. В ложном понимании и оценке, обе теряют свое настоящее значение. Правда, при существующих конституциях Христос, пожалуй,

свобёднее мог бы излагать свое учение теперь, чем в свое время, но сравнительно с народонаселением земли ныне он не нашел бы ничтожной доли последователей. Настоящее христианское учение неприемлемо для людей, ибо считается неосуществимым в реальной жизни. Религия же церковная, считающаяся отпрыском христианства, до того незначительна и поверхностна, идя на компромиссы с богатыми и власть имущими, что сама извращает и уничтожает христианскую глубоко-религиозную мысль, подлинное учение Христа.

Всеобщая взаимопомощь, а не борьба нужна людям. Главное дело огромного большинства трудящихся, эксплоатируемых, творцов всех благ и достояний земных, перевоспитать себя самих так, чтобы каждый сумел проникать чувством своим в душу каждого, подобного себе, чтобы всякий сумел почуять и понять положение ближнего не меньше и не иначе, как свое собственное, чтобы каждый во всяком осознал себя самого, чтобы сердце человеческое билось за участь ближнего не меньше, чем за свою.

Необходимо воскресение духа человеческого, внутреннее перерождение каждого, нравственное перевоспитание людей. В этих началах, качествах душевных люди нуждаются гораздо больше, чем в любом ином учении.

Нравственность, как наука о жизни, больше нужна людям, чтобы добиться лучших условий социальных и экономических, дабы сумели все жить по-человечески, чем любая научная подготовка к умению устраиваться практически. Мудрый замысел всегда значительнее обыденного факта.

Идея рождения света насильственным путем ничем не обоснована и весьма обманчива. Не было еще такого успешного человеческого дела, рожденного насильственно, которое было бы всецело обезпечено свим существованием. Изречение « в буре рожденные восторжествуют» неверно. Ибо придут другие и в защиту своих интересов, будучи сильнее, победят и покорят сегодняшних победителей. Так чередуются в истории владычества разных индивидов, народов, рас, государств, классов. И мир вечно утопает в крови, да оглушен плачем человеческим.

Завершивши «успешно популярную революцию», но несвободные от эгоизма люди, мало думая друг о друге, тем временем не прекращают борьбы между собой внутри за превосходство и первенство личное.

Сильные опять перестанут считаться с слабыми, сытые не внемлют голодным; и опять образуются общества, рознящиеся своим положением. Замечательно, что люди всегда почти вели и ведут ошибочный образ жизни, а потому большинство их дел общественных и личных не идут на лад, ничем не обеспечены.

С этим согласится почти всякий, кто только проверит свою личную жизнь, также как и историю любого общественного движения. Даже история жизни целых народов, стран, государств переполнена всяческими недочетами и ошибками. Только спустя продолжительное время, когда уже слишком поздно поправить дело, все видят свои совершонные ошибки. Но и это прегдивое явление, как единственный фактор и показатель будущности, редко когда служит людям прямым уроком в жизни.

Люди опять и опять ослеплены эгоизмом, во всех делах своих, ничего не видят впереди, как и вокруг себя, снова ошибаюся, рискуя как собственным положением, так и участью ближнего.

Создавши положение, где все почти озабочены всевозможными ненужными проблемами и невзгодами повседневной жизни, угнетены социально и политически, удручены экономическим положением, незнающие исхода завтрашнего дня, люди, беспрестанно гоняющиеся за ничтожными материалистическими гадостями, не замечая главного своего духовного образа, бытия человеческого, не успев пережить ни одного по настоящему счастливого дня, не поняв истинного смысла своего существования, кончают век свой ничего не создавши, не услуживши ближнему и даже ничего почти существенного не сообразивши.

Большинство в безумной животной бо-

рьбе за существование проводят всю жизнь в одних мучительных надеждах, глупых и безсмысленных мечтах о счастливом хотя бы будущем, на старость материальном положении, но никогда не постигают его.

Таким образом, доброму имени религий, духовности и свету истинного знания нет почти места в современном разрозненном и вражеском общежитии людей, держащемся и основанном на материализме и эгоизме.

Человечество бьется тысячелетия за свою настоящую свободу, за социальную политическую и экономическую независимость, за сближение и соединение рас, народов, национальностей в одну мировую семью - страну, ибо ему не нужны никакие перегородки, границы и иные искусственные рогатки, только разделяющие людей для вражды, зависти, ненависти и борьбы. Но гордые и хитрые владыки земли да наивные защитники и прислужники их, все фарисеи и фанатики, патриоты и националисты придерживаются не смены и обновления вех, но неизменного торжества всего несправедливого, лишь бы была выгода и польза от этого.

Поэтому ни государство, ни национальность, ни та или иная раса, страна не должны и не могут иметь для нас какое либо исключительное значение, как с исторической, так и с современной точки зрения.

Также наша родина и патриотическое чувство для нас, если кто либо во имя защиты их должен будет пострадать. Ибо выгода от защиты государства, страны, родины есть только хозяевам, настоящим владельцам всей земли, всех индустрий. Напрасно думают, что случайно родившись на таком то континенте, в такой то стране, каждому человеку принадлежит страна, родина его: земля, реки и моря, да вообще все природные богатства ее.

Ничего подобного, пока что, еще не совершилось. Если же народы пользуются удобствами богатств природных данной страны — родины своей, то они страшно дорогой ценой платят за это.

Фактически, все богатства принадлежат исключительно «избранным», настоящим, законным хозяевам — правительствам, да владельцам всех индустрий.

Правда, по закону божьему, каждому человеку принадлежит все, что есть в природе, но по закону человеческому только тому принадлежит все, что под небом, у кого сила и власть.

И если мы идем на войну убивать таких же обманутых, как и мы, чтобы защищать все природное, да обретенное народом достояние, действительно долженствующее быть общим, отобранное нечестным и насильственным образом у нас, то совершаем самый безсмысленный поступок, безумный акт.

Люди должны стремиться к об'единению, побужденные одной любовью к ближнему, а не из желания улучшения своего исключительного положения. В деле организованности, первым долгом, должно быть заложено желание добра всем, чувство долга к себе подобным, но не личные интересы. Вместо борьбы за существование, царствующей между людьми, да вместо организованности из личной необходимости, об'единение духовное, согласующееся с чистой совестью, должно стать маятником человеческих отношений.

Не борьба, а сотрудничество и содружество необходимы людям для истинного успеха, для блага жизни. Только нравственное перерождение, внутреннее перевоспитание, основанные на самых простых и правдивых началах жизни, послужит истинным фундаментом будущего справедливого братского общежития людей.

Б. ГЕРШЕНФЕЛЬД.

СПЕШНОЕ СООБЩЕНИЕ

В полночь с 11-го на 12-е ноября, главная контора Свободной Национальной Федерации Тред-юнионов в Канде, Токио, подверглась нападению банды вооруженных полицейских, которые арестовали около десяти живших там товарищей, включая генерального секретаря Г. Умемото, и конфисковали все находившиеся в конторе документы. В ту же ночь помещение Лиги Освобождения Культуры в Сугинами, Генерального Юниона корейских рабочих в Ханджо и всех тред-юнионов и кооперативов с либертарными тенденциями также подверглись набегу полиции.

12-го ноября утренняя печать сообщила, что около 60 анархистов и синдикалистов подверглись обыскам в Токио.

Массовые аресты анархистов произведены были также в Осаке, Киото, Кобэ и других местах и около 100 анархистов были схвачены. Конторы отделов Национальной Федерамии Юнионов были заняты полицией, и либертарные группы и общества прекратили свое существование во всей стране.

Правительство указало причины и дало об'яснения этих арестов 12-го ноября. Вкратце, эти об'яснения таковы:

> В начале августа этого года, полиция получила сведения о существовании тайного общества, под именем анархической японской партии в Японии, и путем тщательных розысков было открыто, что это нелегальное общество создано с целью низвержения и уничтожения нынешнего политического и экономического общественного строя путем терррра, с тем, чтобы установить анархический коммунистический общественный строй. Вожди партии намеревались производить нападения на банки, почтовые конторы и ростовщиков, чтобы добыть средства для партийной работы, и при выполнении этого плана они совершили убийство. Один банк в Токие подвергся 6-го ноября нападению, но без успеха. Опасаясь преследований со стороны полиции, они бежали в Кобэ в надежде доехать на пароходе до Шанхая. На пристани, однако, один из них был заподозрен бывшей на стороже полицией, арестован и опознан, как Г. Айзава, секретарь партии.
>
> Так как членами этой нелегальной организации состоят все вожди свободной Национальной Федерации Тред-юнионов, то федерация получает от партии приказы, которыми направляется вся их деятельность. Федерация, будучи легальной тред - юнионной организацией, в действительности является ничем иным, как куклой для обмана масс и для привлечения их в анархическую коммунистическую партию Японии.

Это утверждение правительства целиком ложно и является чистейшей выдумкой для обмана народа и для оправдания его низкого образа действий. Прежде всего, о существовании этой мнимой А. К. партии ничего неизвестно даже анархистам Японии. Даже если было бы верно, что такая партия действительно существует, все же значительное большинство японских анархистов не имело бы, следовательно, никаких сношений с ней. Во вторых, японские анархисты, вообще, настроены принципиально против партийной формы организации и, с другой стороны, не думают, что их цели могут осуществляться мерами грабежа, убийства и террора.

В третьих, Федерация не является анархической организацией по своему происхождению, развитию, уставу и деятельности. Это — свободная национальная Федерация тред-юнионов, независимая от всех политических партий и групп, представляющая классовые интересы наемных рабочих и, следовательно, не имеет и не признает никакой организации, диктующей ей со стороны. Все программы, тактика и деятельность ее согласуются с решениями таких формальных и законных органов, как конгресс, исполнительный комитет и

т. д., без исключений. Что касается ее должностных лиц, которые являются по большей части либертарными социалистами, то они свободно избираются и номинируются членским составом, а не назначаются ни в коем случае сторонними организациями. Хотя и бедная в финансовом отношении, она содержит себя только членскими взносами и никогда не искала других источников дохода.

Что касается мнимой А. К. партии, то, сколь бы она ни была таинственной, все же возможно, что она была создана несколькими анархистами, весьма склонными к сталинской тактике. Однако, связывать ее деятельность с существованием национальной Федерации, можно лишь при наличии у правительства темных намерений, желания задавить либертарное рабочее движение во всей этой стране, где оно является шипом, впившимся в пяту капиталистов и активных милитаристов.

Национальная Федерация является единственной тред-юнионной организацией в Японии, определенно выступающей в настоящее время против капитализма, милитаризма и империализма. В последнее время ей пришлось отступить в некоторых пунктах, чтобы приспособитться к новому положению, созданному военными авантюрами на континенте, но она все же смело противостоит буре, защищая принцип классовой обрьбы и ее неизбежное следствие — либертарный социализм. Правящие классы, естественно, давно уже обсуждают план сокрушения и уничтожения Федерации, и их раздражало то, что они не могли найти легального предлога, чтобы распустить ее.

Сейчас есть к тому прекрасный повод. Несколько анархистов совершили убийство, грабеж и подлог; — это весьма обычные преступления в капиталистическом обществе, но они имеют свойство производить весьма неблагоприятное впечатление на сознание народа. Правительство быстро использовало этот случай, чтобы нанести удар нашему движению, утверждая, что единственное революционное рабочее движение в Японии находится, в сущности, в руках «преступников».

Преследования еще не окончились. Наших товарищей арестуют здесь и там и пытают, чтобы заставить их признаться в участии в разбоях. Однако, даже с помощью пыток, подлога и обмана, полиции и суду не удастся доказать виновность членов Национальной Федерации в убийстве, подлоге и грабеже. Все они убеждали рабочих, что со злом капитализма нужно бороться путем организованной прямой борьбы рабочих классов, и никто из них никогда не проповедывал и не совершал убийства, грабежа или подлога под видом методов классовой борьбы. Все они хорошо знают также, что партийная форма организации не подходит для освободительной борьбы рабочего народа. Они убеждены в то же время, что «недостаток денег» не является причиной медленного развития нашего освободительного движения. С нашей точки зрения отсутствие морального чувства должно вызывать гораздо больше опасений, чем отсутствие денег.

Пишущий эти строки уверен, что в ближайшем будущем мы сможем сообщить вам о возрождении нашего движения и о реорганизации Свободной Национальной Федерамии Тред-юнионов, еще более окрепшей после нынешней катастрофы, которая, нужно сказать, дала нам хороший урок.

Е. К. Нобушима.

12-го декабря 1935.

А. А. БОРОВОЙ

Замучен большевиками на ссылке талантливый человек и анархист проф. Алексей Александрович Боровой. Родился он в 1876 году. В 22 года уже окончил Московский университет по юридическому факультету. В 25-летнем возрасте — приват-доцент в том-же университете.

Блестящий оратор с большой научной эрудицией, он читает лекции по рабочему вопросу, политической экономии и юриспруденции в Московском университете и во многих других учебных заведениях. Позже становится анархо - индивидуалистом и развивает это мировоззрение в своих лекциях.

Преследования царского правительства принуждают его к бегству во Францию, где он продолжает свою научную деятельность и пропаганду анархизма. По возвращении в Россию, Боровой занимается журналистикой.

После революции, он занимает место комиссара в Главном санитарном управлении, и возобновляет чтение лекций в высших учебных заведениях. Начиная с 1924 года и до ареста и высылки в Вятку, Боровой состоял экономистом - консультантом Московской товарной биржи.

В течение 35-летней работы в анархическом движении А. А. Боровой написал ряд книг и брошюр по анархизму: «Либерализм, социализм и анархизм», «Революционное творчество и парламент», «Популярный курс политической экономии», «Анархизм», «Личность и общество в анархическом мировоззрении» (эта книжка имеется на складе «Пробуждения»), «Миф о М. А. Бакунине».

В этом культурном и всесторонне образованном человеке полудикие и невежественные Сталины, Кагановичи, Ворошиловы и Ко. видели своего смертельного врага, которого и замучили на ссылке.

«ПРОБУЖДЕНИЮ»

Несите Вы черное знамя высоко!
Победа за нами! Она впереди!
И наши идеи проникнут глубоко...
Хоть путь наш тернистый, но смело иди!
Весь мир угнетенных с нами, за нами...
Понятны идеи безвластия им...
Мир Новый построим своими руками,
Свободу отнять никому не дадим!
Народ пробудился от спячки тяжелой.
Понятен народу стал наш идеал...
И ринуться в битву с врагами готовый,
От нас ожидает он битвы сигнал!
Сигнал наш—работа и общее рвение,
Идеи анархии глубже внедрить;
Всех групп, одиночек, нас всех единение...
Лишь в этом к победе народ видит нить...
Народ пробудился!.. Хвала «Пробуждению»
Мы вместе с народом сомкнемся в ряды...
И грудью поможем мы «Общему Рвению»!
В боях за свободу пожнем мы плоды!

Александр Черняков.

***

Нестор Махно
«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАИНЕ»

Н. Махно был одним из организаторов и активных участников повстанического движения на Украине в последней русской революции. Его книга охватывает годы борьбы на Украине с марта 1917 года по апрель 1918 год. В ней отражена вся жизнь революционного народа в самый бурный период русской революции. Будучи участником этого интересного исторического движения, автор разсказывает, как это движение возникло, как оно организовалось, за что и как боролось. В книге 216 стр. Цена с пересылкой 65 сентов. Все заказы на книги убедительно просим направлять по адресу «Пробуждения»:

9219 Russell Street
Detroit, Mich.

Открыта подписка

НА ЖУРНАЛ

ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.